

ARLADAAR

Легенды
тёмной долины



Annotation

Сибирь... Бескрайняя и ужасная. Источник мрачных легенд и поверий. Здесь запросто можно потеряться, пропасть навсегда. Что-то недоброе случилось с группой геологов, и на поиски послали Анну, специалиста по борьбе с паранормальными явлениями. Ведь среди заброшенных посёлков, старых рудников и непролазной тайги таится нечто голодное и злое, судя по местным преданиям.

Глава 1

Спокойный тихий вечер. В такие моменты время течёт особенно неспешно и пользуясь этим, я люблю сидеть дома, в своей уютной маленькой берлоге, предаваясь размышлениям, развлечениям и обжорству. Негромко играет музыка из старого кассетного магнитофона. Когда заканчивается кассета, аппарат щелкает в конце пленки и замолкает на несколько минут.

Впрочем, тихо не становится. Огромный телевизор непрерывно показывает фильмы. Фантастику и ужасы. То, что мне близко. Даже во время отдыха я погружаюсь в эту чертовщину. Валяются ноутбук, планшет, смартфон, раскрытая книга на кровати вверх обложкой с оскалившейся дьявольской рожей. Мягкий приглушённый свет повсюду, от которого уютно и тепло. Мой рай.

Именно в такие вечера, когда охота часами лежать, завернувшись в тёплый плед и краем глаза смотреть телевизор, или ползать по интернету, мне звонят и заставляют всё бросать и ехать чёрт знает куда. В темень, холод, ужас. Заниматься черт знает чем.

Традиция не подкачала и в этот раз. Тихо мурлыкнул смартфон. Новое сообщение. И я уже знаю от кого. Только на его сообщениях и вызовах стоит эта мрачная мелодия. Значит, опять рядом что-то стряслось. Как всегда, быстрой иглой сердце кольнул мимолётный страх.

Мы общаемся в одном из мессенджеров. Спецслужбам запрещено просматривать этот канал. Слишком большие вопросы вызвало бы его содержимое у неподготовленного человека. Взяв телефон, я развалилась на кровати, натянув одеяло до подбородка.

— Только не говори ничего, — ехидно рассмеялась я. — Мне сейчас очень хорошо.

— Охотно верю, — голос на том конце искажен преобразователем так, что кажется, будто разговаривает робот. Ни мужчина, ни женщина. Босс всегда скрывал свой пол. Возможно, сидела такая же малолетка как и я. Или парень.

— Ты сибирячка. Поэтому войти в курс дела займёт не слишком много времени, — уверенно продолжил босс.

— Говори.

— В отдалённом таёжном районе пропала группа геологов. Они разведывали залежи золота, что в тех краях совсем не редкость, как ты понимаешь.

— Дальше. Кого отправили на поиски?

— Местность труднодоступная и огромная. Как раньше говорили, три Франции и четыре Германии. С воздуха поиски ничего не дали. Вертолёт МЧС, приземлившийся на месте высадки, обнаружил покинутый лагерь. Всё что могли, спасатели забрали с собой, но никакой информации не обнаружили. Потом выслали группу спецназа. Десять человек. Они продвинулись километров на двадцать, до начала плато. Дальше началась труднопроходимая горная местность. Нашли ещё одну ночёвку и запасы продовольствия, оставленные про запас. Отсюда последний раз геологи выходили на связь.

— Почему спецназ?

— Основная версия что геологи нарвались на нелегальных золотодобытчиков.

— Неофициальная?

— Послал в сообщении.

— Спецназ ничего не нашел?

— Нет. У них что-то случилось. Травмировались несколько бойцов и осталось только

вернуться обратно в базовый лагерь, а потом покинуть территорию поисков. Горный обвал или что-то в этом роде. Я читал отчёт командира группы. Поиски геологов решили прекратить. Можно угробить сотни человек и никого не найти. Сама понимаешь.

— Хм... Допустимые потери... — хмыкнула я и на планшете открыла карту плато Наукок.

Местность и в самом деле глухая. Множество рек, горная тайга. Скалы, ущелья...

— Как предполагалось вывозить золото, если геологии бы нашли возможное месторождение? Из такой глухомани оно стоит в три раза дороже. Разве что на вертолёте.

— Вот именно, но... — голос куратора дрогнул, что я тут же заметила. — Там дорога есть, в те края. Плохая. Ей давно не пользовались.

— Куда ведёт?

— Несколько заброшенных рудников в глубине долины. Когда-то добывали медь, серебро. Давно. В начале двадцатого века. И раньше. Были и несколько посёлков, уже давно заброшенных. Люди там жили. Сейчас нет.

— Ясно, — задумавшись, я помолчала. — Почему я? Почему ты думаешь, что это мое дело?

— У местных есть легенды. Нехорошие... И ты сибирячка всё таки.

— По твоему мнению, я годами жила в непролазной тайге, а не в городе миллионнике? — рассмеялась я. — Я конечно ходила в походы с родителями и в школе, но то были стандартные туристические маршруты. Впрочем, в лесу я выживу как-нибудь. Всё-таки тайга получше чем очередное измерение ада. Я кстати, спрашивала именно про нехорошие легенды. Что там? И откуда местные? Ты ж говорил, там никого нет.

— Людей немного. Но они есть, — голос босса мгновенно сменился на командный. Он почувствовал, что я зацепилась. — В основном нелегальные золотодобыча и пушной промысел. Будь осторожна. Ружье у каждого, да и стреляют особо не спрашивая, кто перед ними. Власти там нет, надо признать. Если что, рассчитывай только на себя. И на спутниковый телефон. Мы вытащим если что.

— Всё ясно. Как всегда, — рассмеялась я. — Я пойду одна? Где оружие и снаряга?

— Скинул в сообщении местоположение. Плату перевел на карту. Пойдешь не одна. Слишком опасно. Реки, горы... У меня есть для тебя компаньон. Человек бывалый. Турист-экстремал, таежник, охотник.

— Что ещё?

— В тридцати — сорока километрах от базового лагеря геологов есть маленький поселок под названием Дружба. Официально жителей двадцать восемь. И русские, хакасы, эвенки. В основном живут пушным промыслом, но есть и небольшая пилорама. Само собой, нелегально золотишко моют по ручьям. Однако есть и пришлые, которые могут быть беглыми преступниками в федеральном розыске. Напарник под видом туриста-проводника ждёт там, на месте. Тебя забросим туда же.

— Что с легендой? Как мне обзывать?

— Легенды особой нет. Говорите правду, если спросят. Вы — поисковики и спасатели, ищите пропавших геологов. Черт... Да пусть волонтеры от той же Лизы Алерт. Оружие не светите особо. Там за хорошее ружье и пришить могут.

— Когда выдвигаться? — я постаралась скрыть досаду. Как всегда, трудно раскачаться. Впрочем, так же как и потом остановиться.

— Завтра утром. Нельзя медлить. Люди могут быть ещё живы и их надо вытащить

оттуда. Все. Удачи. Береги себя, Аня.

Я помахала рукой, изобразив натянутую улыбку и прервала связь. Вот и новое дельце. А так хорошо начинался вечер...

Хотела полистать, что там прислал в сообщениях босс, но с досадой захлопнула ноут. Масса отсканированных документов, на вид совсем старых, записей в тетрадях, копий каких-то справок. Малой кровью тут не отделаться. Решив, что разберусь и так, а почитаю в вертолете, или ещё где, я укуталась в одеяло и мирно проспала до утра под тихий бубнеж телевизора.

Глава 2

Шесть утра. Вертолет взлетает с небольшого частного аэродрома в промзоне родного города. В иллюминаторе видно склады, заправки, автомастерские, свалки. Над угрюмыми свинцовыми тучами блеснул утренний луч солнца и тут же потонул в серой хмари. Похоже, скоро гроза. Настроение под стать, сумрачное и подавленное. Усилим воли преодолевая сплин и остатки сна, достаю из кармана ветровки смартфон и открываю сообщение, присланное боссом накануне, которое я благополучно продинамила вчерашним вечером.

Фотографии документов самых разных времён. Полуистлевшие рукописи времён Николая Первого, доклады урядников уездной полиции губернским исправникам, объяснительные записки офицеров НКВД местного лагеря вышестоящему командованию. Все документы в стилях письма, соответствующих эпохе, информировали о неких кровавых злодеяниях с человеческими жертвами или исчезновениями людей. Причем на месте исчезновений находили лишь небольшие части тел, вроде пальцев ног, ушей, кусков кожи. Трупы убитых на местах преступлений чудовищным образом обезображены а иногда даже частично съедены.

Все происшествия выглядели бы совершенно естественными для дикой глухомани, если не происходили в разное время на одной и той же местности. Складывалось ощущение, что изуверу несколько сотен лет. Однако учитывая что местный социум представлял из себя смесь инородцев, потомков ссыльных, беглых каторжников, бродяг и искателей приключений, не было ничего удивительного в подобных преступлениях. Человек на многое способен, страдая от многодневного голода голоде либо многолетнего проживания в одиночестве, вдали от общества.

И все же я привыкла верить в самое худшее. В этих краях было нечто злобное человеческому естеству и его следовало найти. Либо убедиться на основании полученных на месте данных, что сверхъестественного не существует. Понятно, что эти исследования являлись задачей вторичной после поиска пропавших людей.

Открыв карту я ещё раз внимательно осмотрела местность. От базового лагеря геологов до посёлка Дружба тридцать семь километров таёжной дороги. На пути три брода через бурные речки. Не так-то просто и быстро добраться. Так. Хорошо. Начну заново. Предположим, вертолёт высадил геологов в базовом лагере. Сколько они там были? Предположу, один день. Что в принципе логично. Какого хрена делать в тайге, если у тебя конкретная работа? Просто так кормить комаров и впустую поедать припасы? И всё же... Я имею дело с русскими людьми и они банально могли забухать. В таком случае кто-то мог увидеть выгрузку из вертолётки и... Что, собственно говоря и?

Я рассеянно посмотрела за иллюминатор, где в грозовом мареве шумела тайга, а дальние горы скрыл туман. Мрачная безнадёга... Сверкнула молния и раскатисто бухнул гром.

Предположим, кто-то случайно оказался в месте высадки геологической партии. Например, преступник, имеющий подельников в посёлке Дружба. Потом он как-то связался с ними (рация, спутниковый телефон?) и те быстренько преодолели тридцать семь километров плохой дороги, форсировав три реки и... Стоп. Зачем собственно говоря это нужно? Что такого ценного могло быть у геологов, что потребовало бы ликвидации всей экспедиции? А то, что они мертвы, я не сомневалась. Если не вернулись из тайги за неделю

и не подали никаких признаков жизни, считай, покойники.

Однако чтобы злоумышленникам преодолеть такое расстояние за день по плохой дороге, потребовался бы хоть какой-то транспорт с хорошей проходимостью. Квадроцикл, внедорожник, грузовик... Во всяком случае, в посёлке, на месте, можно посмотреть что у местных есть в наличии.

Правда, есть и такое допущение, что геологов выследили прямо в тайге, по пути на плато. Например нелегальные золотодобытчики. Правда, я не верила в некий конфликт. Что там делить-то? Тайга большая, золота на всех хватит. Разве что геологи нашли нечто действительно ценное. Например, по-настоящему богатое месторождение. Но это было возможно только не в начале экспедиции. Они ж пропали практически у входа на плато, которое хоть нынче и безлюдное, но раньше всё-таки было заселено. Так, стоп... А с чего можно быть уверенными, что сейчас там никого нет?

Я задумалась. Тайгу я знала. С множеством легенд и суеверий. Пропавшие целиком селения кержаков-староверов, которые ещё со времён раскола жили отшельниками в лесной глуши. Посёлки, внезапно покинутые жителями... Беглые уголовники, при побеге затерявшиеся в тайге и съевшие друг друга. Чёрт... Тут было чего опасаться. А если принимать в расчёт байки о сверхъестественном, вроде легенд о чёрных летающих людях, йети, тундряных и таёжных ведьмах, картина получалась совсем жуткая. Лучше сидеть дома. Я усмехнулась про себя. Размышления ничего не дали. Вариантов, от чего могли пропасть люди, масса. Пять человек могли и утонуть в реке, стараясь спасти друг друга или свалиться в пропасть. Или убегать от медведя и... Угодить в пасть другому медведю. Да чёрт... Нет. С медведем история совсем неправдоподобна. Было же у них оружие в конце-то концов?

Я посмотрела ещё раз отчёт спасательной группы МЧС. На берегу реки Нутуяс они обнаружили заимку с небольшой новой избушкой из каркасных материалов, построенной незадолго до экспедиции. Явно постаралась контора, на которую работали геологи. В избушке продовольствие. Тушёнка, крупы, мука в жестяных упаковках. Немного инструментов и оборудование. Как я понимаю, некритическое. Документов, журналов, электроники найдено не было. Отсюда экспедиция вышла на связь через спутник и сообщила что завтра приступают к выходу на маршрут. Маршрут к плато Наукок? Скорее всего. Однако маршрут мог быть и другим.

От базового лагеря до второй стоянки десять километров. Они преодолели их пешком. Наверняка это заняло весь день. Свернуть стоянку на базовом лагере, позавтракать, элементарный туалет, сборы. Переправа через речку. Дождей тогда не было и на бродах ещё мелко. Во всяком случае, после переправы пришлось переодеться, сушиться. Если у них были с собой гидрокостюмы... Хотя нет... Навряд ли на себе потащили бы эту хрень, когда каждый грамм веса в рюкзаке наперечёт.

В отчёте командира спецназа тоже ничего особо ценного. В базовом лагере они не нашли признаков присутствия посторонних. Следы автотранспорта повышенной проходимости тоже отсутствовали. Дорогу к поселку Дружба они осмотрели на протяжении сотни метров. В течении нескольких дней никто не проезжал, что конечно же ни о чем не говорило. Злоумышленники могли остановиться за несколько километров от лагеря и оставшийся путь пройти пешком. Однако нам все равно предстоит ехать по этой дороге, так что все можно посмотреть на месте.

Спецназовцы переправились через реку Нутуяс и прошли десять километров по заброшенной дороге до места следующей стоянки, перед самым плато. Дорога по описанию,

заброшена и труднопроходима. На нескольких фотографиях видны оползни со склонов гор и поваленные деревья. Впрочем, при желании дорогу можно быстро привести в порядок, обладая тяжёлой техникой. Нелегалы конечно, не могли это себе позволить. Если кто-то и рыл тайно золото в тех краях, добираться до прииска ему пришлось бы пешком. Предположим, геологи нашли золото. В край тотчас пришли бы горнорудные компании, большой бизнес. И нелегальная добыча наверняка окажется остановлена. Многие люди потеряют источник дохода. Причем люди рискованные. Опасные, дерзкие, готовые на всё. Вот тебе и мотив. Причем весомый и без всякой хтони.

Моё мнение насчёт причастности местных нелегалов кардинально изменилось. Они могли пришить геологов. И пожалуй что, это пока единственное подозрение, стоящее внимания.

Спецназ дошел по заброшенной дороге до начала перевала. Ничего подозрительного не обнаружили. Рядом с подъемом на плато нашли ещё один, последний лагерь. Ничего примечательного. Следы от костра, колышки от палаток. Закопанные пустые консервные банки и мелкий мусор. Ах да... Мешок с продовольствием, подвешенный на ветке от хищников. Лагерь не выглядел покинутым в спешке. Люди переночевали и спокойно ушли, рассчитывая вернуться в скором времени.

Спецназ от лагеря продвинулся ещё километров на десять, но на последнем рубеже, при подъёме на крайний гребень плато попал в обвал. Камни травмировали половину команды, причем преобладали переломы костей ног. Самая тяжёлая травма в таёжных горах. Практически путевка в смерть. Естественно, им пришлось прекратить поиски и эвакуироваться из квадрата на вертолёте.

В общем и целом план действий уже нарисовался. Что надо, придумаю по ходу дела. В первую очередь осмотреться в поселке Дружба. Какие слухи у местных ходят. Знают ли они что-то. Кстати, а откуда им что-либо знать о пропаже геологов? Вертолет МЧС, насколько я знаю, садился только в базовом лагере. Да и спецназ высаживался там же. Если только кто-то из местных ездил в райцентр... Во всяком случае, поиски экспедиции нужно начать с Дружбы. Это ближайший населенный пункт от места исчезновения. Есть ещё поселок Октябрьск. Он ближе к Наукоку, в двадцати пяти километрах севернее от базового лагеря, но покинут жителями, эвенками-промысловиками. Интересно... Есть отчёт бывшего участкового инспектора Ирдинского района о ликвидации Октябрьского сельского поселения в связи с отсутствием жителей. Причина не называлась. Может, уехали на материк, как здесь говорят. Или умерли. Всё может быть...

Так что планы такие. Потусить в Дружке. Потом из Дружки доберёмся до базового лагеря и там осмотримся.

Постепенно я начала хлопать осоловелыми глазами и совершенно незаметно, невзирая на гул вертолёта, погрузилась в сон. Всё-таки вставать пришлось очень рано...

— Мы на месте! — пилот осторожно потряс за плечо. Мигом проснувшись я сначала не поняла где нахожусь. Сознание тем не менее быстро вернулось и за секунду вспомнила всё. Похоже, добрались до Дружбы.

В иллюминаторе горы, поросшие огромными елями, небольшая бурная река, быстро катившая темные, взъерошенные перекатами воды по каменистому руслу, дома на возвышенности. Подхватив рюкзак с вещами и небольшой тубус, я спустилась по ступенькам и, пригнув голову, отбежала от гудящего вертолета, разметавшего волосы бешеным потоком воздуха.

Отойдя на безопасное расстояние ещё раз огляделась, уже повнимательней. Место поразительно красивое в любую погоду. Даже сейчас, когда свинцовые тучи цеплялись за поросшие черновой тайгой окружающие горы и на всю округу упала тьма от ненастья, чувствовалось некое мрачное благородство вокруг. Если и существовал таёжный ад, то именно здесь.

Меня встречали. На пологом пригорке, поднимающемся к посёлку, стоял крепкий мужчина в штурмовке защитного цвета, армейских штанах и резиновых сапогах. Короткая стрижка, выразительное лицо с несколькими шрамами, прищуренные глаза, уверенно смотрящие вперёд. "А он не прост. Сколько ему лет? Тридцать? Сорок?" — подумала я и приветственно помахала рукой.

Поздоровались по мужски, за руку. Ожидала почувствовать жёсткую ладонь вояки и искателя приключений, но удивилась, ощутив почти женскую нежность кожи. Что подумал напарник, пожимая мою ладонь, я не знаю. Занятия боевыми искусствами не способствовали красоте и утончённости.

— Александр.

— Анна.

— Я знаю.

— И я знаю.

— Пошли.

— Иду.

Пока поднимались к посёлку Александр бегло, отрывками начал рассказ. Приехал он пару дней назад. Остановился у промысловика, бывшего одновременно местным лавочником и кабатчиком. Мужик ответственный, но не простой, как и все здешние. Держал небольшой магазин и наливайку, где привыкли собираться местные по вечерам. А иногда и днями просиживали там, попивая водочку, смотря единственный телевизор со спутниковым ТВ и делясь сплетнями. Что делать ещё в такой глуши, особенно после того, как сдал перекупам килограмм-другой золотишко, намытого в потайных местах?

— В посёлке знают о геологах? — я внимательно посмотрела на Александра и чуть остановилась, чтоб не свалиться, запнувшись о валуны под ногами, лежащие прямо на дороге.

— И да и нет.

— Что это значит?

— Жителям посёлка ситуация с экспедицией точно неизвестна, но здесь есть одна женщина... Она... Хакаска. Колдунья, или шаманка... Чёрт, о боги, что я говорю...

Саша картинно воздел руки к небу и рассмеялся. Было видно, что он не верит ни во что необычное. Ну да ладно...

— Что именно говорит эта шаманка? — недовольно нахмурившись спросила я, всем своим видом не разделяя веселья напарника.

— Боже, Аня... Неужели вы... Да над ней смеются тут все! Ну хорошо, хорошо... Она говорит что духи гор ей сообщили будто в тайге на плато Наукок погибла группа людей. Пятеро. Что они заболели и умерли. Заболели *маетой*.

— Ясно, — небрежно бросила я. — Это невозможно.

— Почему? Что это такое? Что такое маета?

— По легендам таежников и полярных зимовщиков маета нечто вроде мифической болезни. По описанию, разновидность некоего психоза, охватывающего людей, долгое время живущим в удалении от общества. У них начинаются галлюцинации, странные видения, миражи, появляются приступы немотивированной агрессии. Они видят невероятные и нереальные вещи. Например, посреди ледяной тундры могут увидеть красивую голую девушку, якобы заигрывающую и разговаривающую с ними. Начинают ревновать.

— Не может быть! — Александр с интересом взглянул на меня. — Ни разу не слышал про это, хотя долгое время и ходил по тайге, да и жил там иногда. У меня заимка в горной тайге у Поднебесных Зубьев в Кемеровской области. Что-то вроде приюта для заблудившихся. Зимой часто живу там.

— Туристическое и горнолыжное место, — усмехнулась я. — Там туристов зимой больше чем деревьев. Попробуй поживи зиму группой из нескольких человек, полностью изолированных от большой земли, в абсолютно удаленном непроходимом месте, куда вертолет прилетит только весной, да ещё в одном зимовье, где в пургу и в туалет-то не выйдешь, только в ведро. Через пару месяцев у людей начинаются ссоры. Ещё через пару месяцев они готовы убить друг друга, настолько им надоедают собственные друзья, их лица, привычки, быт. Потом приходят видения. Их рисует воспаленный бездельем и вечным стрессом мозг. Иногда видения красивые, вроде красивой девушки, заигрывающей и соблазняющей. А иногда жуткие. Люди видят монстров, чудовищных животных, невероятные города посреди леса.

— Почему ты считаешь, что этого не могло произойти с пропавшими геологами? — посерьёзnel Саша. — Вполне себе версия. Сошли с ума. Перестреляли друг друга или свалились в пропасть, утонули в реке или болотине.

— Невозможно, — я отрицательно покачала головой и резко остановилась. — Слишком мало времени прошло. Для маеты это не срок. Однако... Существует поверье, что этот морок насылают таёжные и тундряные ведьмы. Мертвецы, живущие во тьме гор и лесов.

— Аня... — укоризненно покосился напарник. — Впрочем ладно... Это твоя версия. Вот и пришли. Это ночлег. Дом мужика, о котором я тебе рассказывал. Все наши пожитки и квадроцикл в гараже, я ещё толком ничего не разобрал.

— Хорошо, — отозвалась я и решительно толкнула калитку большой усадьбы. Началась работа.

Усадьба привольно расположилась на высоком берегу реки, не заливаемом половодьем, разбросав отдельные строения по большой площади. Да и то верно, что тут в безлюдье экономить землю... Навскидку я заметила омшаник для улья, гостевой домик, два гаража, хозблок, сараи для дров и угля, навесы для вяления рыбы и ещё несколько построек, предназначение которых сходу не определить. В скудном сибирском огороде лохматилась окученная картошка, поодаль склонились кусты малины и смородины, вплотную грядки с капустой и морковью. Перед домом стояли грузовики Урал и ГАЗ 66. На ином транспорте здесь и не ездят. Я помню как дед рассказывал, что первый раз воочию, а не в кино увидел легковой автомобиль, когда приехал поступать в училище после школы. Только грузовики и трактора были в далёком алтайском селе.

Сам дом по сибирски просторный, но одноэтажный, сложен из бруса, наиболее ходового здесь стройматериала. Пластиковые окна, спутниковая антенна. Двери деревянные, но фабричного производства. Дорого хозяину пришлось сюда везти всё это по горным дорогам и через порожистые речки. Но раз деньги есть, почему бы и нет... Хотя леса тут вдоволь, да и пилорама вроде как имеется.

Толкнув входную дверь, я вошла внутрь, Александр за мной.

— А вот и гостья дорогая! — не успела я осмотреться и привыкнуть к обстановке, как почувствовала сильные руки, снимающие рюкзак с плеча. — Проходите! Будем обедать!

Пожилой крепкий мужик в китайском спортивном костюме улыбался во весь рот, показывая ослепительно белые зубы, по одному виду которых было видно что они искусственные. Улыбаться-то улыбался, но хитрые прищуренные глаза отсвечивали настороженностью и холодом, как будто спрашивая — " Кто ж ты такая, чьего роду-племени?". А промысловик и в самом деле не прост. Похоже, видел и прошел многое. На могучих кистях рук сведённые почти начисто тюремные наколки, да и зубы потеряны явно не просто так. Возможно, попал в переделку. В прошлом мог быть беглым зэком, надолго потерявшимся в тайге или тундре и переболевшим цингой. И пустивший связчиков на шашлык.

— Здравствуйте, — смущенно поздоровались я, намеренно отведя взгляд в сторону. Пусть думает что перед тем ним городская фифа, за которой нужен уход и которую можно не опасаться. Впрочем, для бывалого человека эти уловки — пустое.

— Иван! — представился хозяин и сделал широкий приглашающий жест. — Проходите уже, садитесь. Чем богаты, тем и рады.

Мы зашли в некое подобие то ли магазина, то ли столовой. В достаточно просторном помещении длинный стол с лавками по бокам и полки с продуктами у стен. Продукты простые и не требующие холодильника — тушёнка, сгущенка, крупы, мука, конфеты, чай, кофе. Электроэнергию тут сэкономили. На отдельном стеллаже бутылки с водкой. На столе немудрёная еда. Аппетитно дымящиеся огромные сибирские пельмени, копчёный таймень на большом блюде, нарезанный крупными кусками, варёный картофель к нему, ломти белого хлеба в розетке. В стеклянном кувшине ягодный морс.

— Как вертолёт приземлился, я Маришке сказал штоб пельмехи бросила, — улыбнулся хозяин. — Свои, из скотского фарша. Я и коров держу тут. Лосятиной и оленятиной уж не буду таких дорогих гостей потчевать, к ним свыкнуться надо. Не говоря уж о медвежатине,

прости хосподи.

— Она ела и оленятину и медвежатину, да и многое чего ты никогда не видел, — каркающий голос из тёмного угла заставил вздрогнуть. А я и не заметила. Поодаль стола в старом кресле сидела старуха, по виду нерусская, из местных, и что-то пила из большой дымящейся пиалы. По слабому запаху я безошибочно определила таёжный чай. Крепчайшая заварка, бадан, чага, сахар, соль и сливочное масло.

— Перестань уже, Людка, а то водки не дам! — недовольно покачал головой хозяин и пригласил за стол. — Садитесь, садитесь скорей! Сначала поесть, а следом уж тары-бары! Мы и сами-то ещё не евши, пока то да сё...

— Так а... Может... — неуверенно протянула я и кивнула головой на старуху, предлагая и её покормить. Обносить едой или чаркой для сибиряка — оскорбление и позор, но Иван пренебрежительно отмахнулся.

— Они што, голодные ко мне приходят? Дома едят. Тайга всех прокормит. И дичины и рыбы море. Шишки, грибы, ягоды.

Пожав плечами я села за стол и тут же почувствовала такой сильный голод, что скукожился живот. Александр расположился рядом, а Иван напротив.

— А где жена ваша? — спросила я, осторожно пробуя первый пельмешек. Недурно. Давно не ела.

— Жена? Аааа.... Вы про Маришку? Да она вроде плохо чувствует себя, сказала не хочет есть. Хотя! Мариш, иди к нам! Ну тогда уж... Чё уж там... Щас!

Хозяин отлучился, и тут же из глубины дома вышла миловидная светловолосая девушка лет двадцати, одетая в шорты и худи. Я недоумевающе уставилась на неё.

" Она минимум в два раза младше мужа" — подумалось сразу же. — "Интересно, чем он взял её и уговорил поселиться в этой глуши?"

— Мария! — девушка улыбнулась и села за стол рядом с местом мужа. — Извините, голова что-то болит, буря уже сутки как не стихает. Да вы ешьте, ешьте, пока горячее! Ваня, ну ты где там?

По виду не была она чем-то расстроена, да и больной не выглядела. Вид здоровый, глаза чуть ли не радостно сияют.

— Вот! Чё уж там... Ради дорогих-то гостей! — Иван принёс запотевшую бутылку шампанского, четыре фужера, откупорил, разлил. — Давайте! Будем! За встречу! Под таймешка хорошо... На новый год берёг, да чё беречь-то... В город сгоняю, ещё куплю.

— И часто вы в город гоняете? — небрежно спросила я, чуть пригубив напиток. Так себе.

— Да как сказать... По надобности. У меня ж хозяйство. Пчёлы, лесопилка, зимой зверька промышляю. Магазин опять же... Догляд за всем нужен. — Иван искоса глянул на меня и разом осушил свой бокал. — Тута мы всегда живём. А вы к нам пошто?

— А мы к вам геологов искать, — сделала ещё один глоток, я отставила бокал и принялась за еду. — Слышали что-нибудь?

— Слышали? — хозяин задумался, как будто не зная что сказать и уставился в залитое дождём окно, за которым шумела угрюмая тайга. — Я лично слышал об этом только от вашего связчика. Нет. Я ничё не знаю о них.

— Не найдёте никого, — опять подала голос старуха. — Померли они. И косточки пропали. Расташшыли волки да медведи. И онгол-оол.

— Да заткнись ты! — вскочил Иван и заорал на Людку. — Достала своими бреднями!

Што ты знаешь? Ничего!

В его лице я его увидела страх. Да что там страх... Абсолютный ужас.

Он посмотрел в окно и после этого сильно испугался. Дикий ужас читался в глазах хозяина. Однако в окне не видно ничего примечательного. Горы, темная тайга, стонущая под порывами штормового ветра. Да и прилично далеко до неё, чтобы разглядеть в ненастье что-то. Вблизи тоже ничего особо необычного — хозяйственные постройки, забор, за ним остальные дома поселка.

— Что не так? — недоуменно спросила я, опять налегая на еду, но скрыто поглядывая на Ивана.

— Ничего. Стара дура сама не знает, что мелет. Здесь... У нас...

Хозяин замолчал, словно задумавшись. Горестная складка пересекла его лоб, как будто вспомнил он нечто такое, что тяжким грузом легло на душу когда-то давно.

— А... Пустое! — махнул рукой он, а потом провел ей по лицу, словно сметая прочь нелегкие воспоминания. — Чё было, то прошло, ушло со снегами и метелями и не вернуть назад ничё.

Почти в полном молчании мы закончили обед, изредка переговариваясь о всякой всячине. Природе, погоде, животных... Я чувствовала что хозяин недоволен, выказав на людях свои тайные страхи, свидетелями которых мы стали. Старуха Людка, посидев немного и побормотав, допила свой чай и ушла домой, шоркая резиновыми галошами по деревянному полу. Марина явно скучала и, посидев немного, ушла, сославшись на усталость. День занялся сонный и тоскливый, как наверное, и всё тут. Дождь утих, но ветер ещё налетал, пригибая заросли крапивы у края огорода. Закончив обед, мы хотели уйти, но хозяин махнул рукой, приглашая опять к столу, достал пачку хороших сигарет, пепельницу, предложил закурить. Мы дружно отказались.

— Здоровье бережёте иль чё? — насмешливо спросил он, неспеша закуривая и выпуская клубы синего дыма. Немного посидев, расслабился и начал разговор. Выкурив половину сигареты, аккуратно потушил и положил обратно в пачку, на потом. Привычка человека, привыкшего в тайге дорожить каждой крошкой и расходовать припас экономно, растягивая на несколько раз.

— Место то, куда вы ходите идти, глухое. И слава о нём среди здешнего народа недобрая.

— А что такое? — небрежно спросила я с ироничной усмешкой.

— А ты Аня не смейся. А послушай. Доехать до Нутуяса можно. Трудно, но можно. Даже вы на своей свистоперделке доедете. А вот дальше... Дорогой от реки до Наукока давно уж не пользовались. Там нонече только пешкодралом, через бурелом и дурнину. А по такой тайге, сама знашь, не дотащшь всю снарягу. Местны пробовали соваться, но ожглись пару тройку раз. Река там быстро вздувается в дождь. Можешь туда уйти, по колени воды будет на броне, а обратно пойдёшь через день, уже до шеи и теченне тако, что с ног сбиват. И на Урале не проехать, унесёт в омуты. Да и делать там по слухам, нечего. Зверька нет, дичины и поблизости набить вагон можно. Никто не ходит туда. Золото... Его тоже нет. Раньше жили люди, сейчас нет. Пропали. И искать никто не стал.

— Людей нет, никого нет, а слава недобрая. Никто не ходит, но вы знаете что там, — Александр с сомнением посмотрел на хозяина. — Не понятно немного.

— Были люди да сплыли. Во времена стародавни там и медь и серебро копали. При

Сталине Иосифе Виссарионыче рудник там был. И лагерь для трудящихся зэка. Враги народа понимаешь ли были тут. Потом... Потом всё закрыли. Все уехали. А кто не уехал, померли.

— Скажите Иван... Вы местный? — посмотрев в глаза хозяину спросила я и сразу почувствовала что он сейчас солжёт.

— Вся Сибиря мой дом, — негромко рассмеялся Иван, уйдя от ответа и опять посмотрел в окно. — Всю жизнь по зимовьям да по заимкам. Не люблю города, знаш ли. Тут мне само то.

— А эта... Люда. Она что-то говорила...

— Ничего старуха не знат про этих геологов! Чё попало молотит, язык без костей! — как отрубил Иван. — Да и придурковата немного. Всю жизнь провела тут. Родню похоронила, пьёт сильно. Всю пенсию пропиват. Там пенсии то шиш, кот заплакал. Я за её получаю в райцентре по доверенности, там и покупаю чё ей надо. А надо-то ей саму малость. Зипунишко какой-никакой, сапожнишки, шапчонку, еду каку немудрёну, водку да табак. Дров с углём на зиму. Но чё она тут знат, так энто местность, все горы перегоры знат наизусть. В молодости охотницей была, зверька била, прямо в глаз! Где с ружья, а где и стрелой с лука, как ихняя таёжна родня. Они ж до сих пор тут некоторые как дики звери. Живут в лесу, молются колесу. Ишшо с кремнёвых ружей некоторые стреляют, говорят, лучше их ничё нету.

— Она говорила про какое-то существо, якобы утащившее кости пропавших людей. Онгол что ли. Что это? — осторожно спросила я, следя за реакцией хозяина. Но он только недоверчиво рассмеялся.

— Бабски страшилки! Это вроде... Ай! Да ну вас! Даже говорить про то неохота! Спросите у неё сами! Она тут недалеко живёт, старый домишко с оленними рогами над воротами. Мимо не пройдёте. А пока извиняйте. Пора мне, хозяйство, вишь ли. Домик вац вон тот, гостевой, синим покрашон, вешшычки в гараже. К ужину приходите, может, народ подтянется побазарить о том да о сём.

Поблагодарив хозяина мы вышли на улицу. Дождь перестал, лишь капли падали с крыш на кое-как скошенную траву. Да и ветер стих. Воцарилось угрюмое безмолвие, тягостное от мрачных туч над горами. Лишь река шумела порогами, перекатываясь через крупные валуны. Мы с напарником посмотрели друг на друга, и согласно кивнув головами пошли искать Людку. Что-то она да знает.

Глава 6

— У тебя там в рюкзаке золото что-ли? — улыбнулся напарник, кивая на мою поклажу. — Так и будешь с ним ходить?

— Так и буду.

— А в тубусе что? Чертежи? Карты?

Более идиотского вопроса и придумать сложно. Ага, так точно, я потащила в непролазную тайгу с чертежами или картами. На кой они тут? Разве что костёр разжигать. Но не говорить же ему что там вакидзаси эпохи эдо. С полноразмерной катаной таскаться лень, да и спрятать её негде. А для ближнего боя короткий самурайский меч самое эффективное оружие. Хотя... Всё равно он узнает рано или поздно.

— Конечно. Обязательно. Только они. Чертежи и карты, — рассмеялась я. — Ищи лучше дом бабушки.

— Бабушки? Как думаешь, сколько ей лет?

Я задумалась. По виду не меньше семидесяти, но вполне может быть и пятьдесят. Коренные сибиряки в пожилом возрасте выглядят старше своих лет, да и сама жизнь в глуши не способствует хорошей сохранности.

Заблудиться тут не удалось бы при всём желании. Всего одна улица, длиной с полкилометра, заросшая бурьяном по краям. На ней привольно расположились дома, почти одинаковые, сложенные из бруса и крытые металлочерепицей. Но выделялись среди них три дома совсем старых на вид, стоявших рядком. Почерневшие брёвна и узкие окошки видели наверное ещё колчаковские отряды, если они конечно, проходили тут. А то и первых переселенцев...

Самый первый дом как раз нам и нужен, судя по оленьему черепу, прибитому к стене. Калитка сломана и лежит на боку. Ограда покосилась и почти завалилась в заросли высокой крапивы, да и огород в отличие от остальных выглядел абсолютно неухоженным. Рос на нём не только сорняк, но уже и молодые осины торчали тут и там. Рядом с домом относительно новые углярка и дровяник. Остальные постройки почти рассыпались в труху, так же как и печная труба, на разрушенных остатках которой сидела ворона, с пронзительным карканьем улетающая при нашем появлении.

К дому от дороги вела узенькая тропинка, заканчивающаяся у крыльца, заросшего лопухами. Когда-то над крыльцом был навес, или даже веранда, которые время не пощадило и от них остались лишь два разошедшихся столба, грубо ошкуренных топором.

— И что мы спросим у... Этой милой дамы? — неуверенно спросил Александр, как вкопанный остановившись перед дверью.

— А что нам ходить вокруг да около? — я пожала плечами и чуть подтолкнула его вперёд. — То и спросим. Что она знает обо всём этом. И если знает, то откуда. Вот и весь план. Как тебе?

— План хорош. На все сто. Ладно, пошли. Поди не убьют.

Поднявшись по скрипучим ступеням, уже хотели постучать в старую дверь, как она открылась. Прямо перед нами стояла Людка, одетая как попало, в телогрейку и какие-то старые тряпки под ней. На вид ей точно около семидесяти. Длинные седые волосы копной торчат из-под грязной шерстяной шапки, жёлтое лицо как у костяной статуэткой нэцкэ с щёлочками глаз и губами, растянувшимися в ехидной усмешке. Выглядела Людка странно и

пугающе.

— Знала што вы придёте, — хрипло рассмеялась она и, шаркая резиновыми калошами по доскам пола, пошла внутрь дома. — Проходите ужо.

В доме темно. Через распахнутую дверь кладовки видно пучки ароматно пахнущих трав, сушащихся на полках. Душица, череда, мята, курильский чай. В зале большое старинное ружьё, висящее на гвозде, рядом с ним браконьерский самолов. Мебель вся самодельная, какую вырезали в начале века. Небольшая этажерка с книгами, деревянная кровать с медвежьей шкурой вместо одеяла. На спинке сокуй из белого оленя. На кухне потрескивала только что растопленная печка, попискивал начинающий закипать чайник. Электричества в доме не было. Старуха наверняка добычу от охоты и рыбалки хранила в леднике под домом. Здесь конечно не вечная мерзлота, но температура под землёй около ноля и если зимой положить лёд, он не растает за короткое холодное лето. Вот тебе и холодильник, только знай, уберегай мясо от мышей.

— Пошто пришли? — Людка уселась на колченогий стул у печки и протянула к ней сухие морщинистые ладони, потеряв их друг о дружку. — В тайгу итти хотите? На Наукок итти?

— Да. Мы, знаете ли, спасатели в некотором роде... — издалека начал Александр, с явной неловкостью и смущением.

— Смотри себя смоги спасти. И девку твою, — Людка искоса посмотрела на меня. — Хотя што её спасать...

Я присмотрелась к старухе и ощутила небольшое дуновение силы от неё. Наверняка Людка занималась шаманством. Примитивная магия, обращающаяся к духам умерших людей и мёртвых животных. Да и занимались ей шаманы чтоб только глянуть краешком глаза за мрачный горизонт и слегка увидеть будущее. Или настоящее, скрытое тьмой. Где-то здесь должны быть припрятаны родовые тотемы, с помощью которых старуха говорит с миром мёртвых.

— Вы говорили о людях, которых мы ищем. Что якобы они мертвы, а их кости утащил некий онгол-оол, — продолжил Саша, с таким видом, как будто разговаривает с сумасшедшим. — Поподробней не могли бы рассказать? Мы завтра утром отправляемся на поиски пропавших геологов и нам необходимо знать, какие подводные камни ожидают нас на пути. О боги... Что я говорю... Это же бред!

— Что ты знаш-понимаш, дурак! — вспылила Людка, дрожащими пальцами достала из кармана телогрейки самодельную трубку и кисет, расшитый бисером, насыпала табак и разожгла угольком из поддувала печки. — Животно это. Страшный зверь. Как раз там охотится, куда вы итти направляетесь. Што хотите то и делайте. Тайга всё стерпит.

— И откуда же взялся этот страшный зверь? — недоверчиво спросил Александр с едва заметной усмешкой. — Медведь что ли?

— Сам ты ведмедь! Притащыли его. Когда от настояшшыго русского царя люди пришли в железных шапках и рубахах. Мынога людей! Притащыли, но он сбежал. Духи тайги ему помогли. А теперь идите отсель. И кости свои берегите.

Старуха отвернулась, показывая что разговор окончен и почти исчезла в синем трубочном дыме, клубами окружившем её. Напарник пожал плечами и сделал знак следовать за ним. Больше тут делать нечего.

Выйдя на улицу, Саша прошёл несколько шагов и как вкопанный остановился, уставившись на меня.

— Что это было? Что за бред?

— Почему ж бред, — я невозмутимо прошла мимо напарника, едва покосившись на него. — Мы слышали достаточно. У старухи подозрение, что геологов сожрал какой-то онгол-оол. С этим нам нужно разобраться.

— А что за настоящий русский царь со слугами в железных шапках? Что это за фантазия?

— Ты не понял? Иван Грозный. Русский царь. Настоящий, из рода Рюриковичей. Люди в железных рубахах и шапках — воины Ермака в кольчугах и шлемах. Да. Похоже что они были здесь. И что-то недоброе принесли с собой. Всё! Хватит этого с меня! Идём отдыхать!

Пока мы шли обратно к усадьбе Ивана, я проанализировала то, что сказала старуха. Вроде бы ничего значащего с точки зрения рационального человека, но всё таки. Местные что-то подозревали о недоброй составляющей плато Наукок. Я много слышала таёжных суеверий. Да и как им не быть, если люди десятками лет живут в местах, где опасность на каждом шагу. Практически выживают, борясь за свое существование. Каждый сибиряк мечтает что вот ещё немного, ещё чуть-чуть и вот он-то уж точно, пошлет нахрен эту собачью житуху, эти холода, туманы и метели и завтра, нет, через год наверняка рванет на юг, к теплу, к морю, к фруктам, к настоящей жизни, к горячим девочкам и фотографам с обезьянками. Но проходит год, два, десять, и все так же живёт таежник в своем медвежьем углу, ходит бить дичину, ловит тайменя и харюза по омутам, моет золотишко, как его отец, и дед и прадед. Тайга привязывает навеки.

В одиночестве и безлюдье каждое происшествие, каждый необъяснимый случай рассматривается таёжным жителем с inferнальной, сверхъестественной точки зрения. Город далеко, а ночная тьма вот она, за дверью. И иногда в туалет даже страшно бегать ночью, зная, что вот за этими соснами в твоём огороде сотня километров безлюдного пространства, где нет абсолютно ничего, кроме леса и гор. Где может таиться все, что угодно. И того, что там таится, наверняка нужно опасаться и по возможности избегать встреч. В тайге не ищите друзей. Это в городе ты можешь помочь перейти дорогу старику, дать денег попрошайке, завязать разговор с посторонним, как проехать до нужного места. В тайге присутствие незнакомых людей рядом с собой воспринимают не с радостью, а с опаской, ибо они могут замышлять убить тебя и завладеть ружьём, снегоходом, машиной. Многие так и пропадают, особенно если до обжитых мест бездна расстояния.

В каждой местности существовали свои страшилки. И многие из них я знала. Часть из них напрямую происходили из древнеславянского фольклора первых русских переселенцев. Часть из преданий местных народов. Но были и такие, что просто так не придумать. Взять хотя бы вот эту легенду, рассказанную Людкой о некоем существе, якобы привезённом сюда воинами Ермака и которое они упустили. Если исходить что это правда, что могли притащить с собой казаки? Они ехали в дебри не отдыхать на природе, а огнем, мечом и крестом воевать этот край, поработать его жителей. Шли в опасности, постоянно ожидая нападений от инородцев. Навряд ли они стали бы тащить на край Ойкумены то, что не имеет никакой практической ценности. Те давние люди были реалистами. Они бы грамм лишнего веса не взяли с собой. Пушнина, золото, продовольствие представляли для них ценность. Оружие. Но что можно взять у ранее покоренных туземцев? Не луки же и стрелы с костяными наконечниками? Привезённое животное могло использоваться как оружие? Или средство запугивания. Такое, которого местные никогда не видели, и оно могло среди них вызвать страх и желание подчиниться. Но инородцы жили в тайге с палеолита, и любого зверя, самого сильного, научились убивать ещё обожженными на костре палками и каменными топорами. Навряд ли даже лев в клетке вызвал бы такой панический страх у туземцев, что они сходу покорились завоевателям. Если только это не нечто священное, сверхъестественное, такое, чего не существует в природе. Например, тотемное животное племени. Например, дракон или ещё что-либо в этом роде.

Тут я уже чуть не рассмеялась. Хихикнула точно, вызвав недоумевающий взгляд

Александра.

— Что с тобой? Может, посмеемся вместе?

— Не стоит. Это я про себя.

Даже если следовать моей абсурдной логике, в течении нескольких сотен лет в этой холодной глуши обитает не один, а целая популяция неких опасных и неизвестных науке животных. И при этом достаточно хищных, наводящих страх на округу. Возможно ли это? С одной стороны нет. С другой да. Здесь огромная неизученная территория. Есть места, где человек вообще не был в историческое время. А может быть, и в доисторическое.

В раздумьях и размышлениях я не заметила как мы дошли до усадьбы Ивана. Времени-то потратили всего ничего, а там уже относительно многолюдно. У ворот стоял японский внедорожник-пикап с небольшим краном в кузове, с колес до крыши забрызганный грязью и глиной. Огромные колеса, усиленная рама, множество фар на кенгурине и крыше. Прокачан хорошо для бездорожья.

В баре Ивана дым столбом, смех и громкие разговоры, состоящие из одних матов. В открытой двери стоит сам хозяин. В красном лице благодать и радушие. Похоже, сам уже неплохо поддал вместе с гостями.

— Заходите! Тут робяты приехали с согры. Лось попался. Щас шашлык будем жарить. Разделаем токо.

— Да мы ж только что ели! — удивился напарник.

— Ничееее! Каво там поели- то... Так, пельменями перекусили. Чё это для мужика-то... Проходились, проголодались. Может, стопочку дерябните. На посошок! Тут щас мужик зашёл, который на Нутуясе и Наукоке был чуть ли не давеча. Хотите, так поговорите с ним. А вот и он.

На порог вышел даже не мужик, а мужичонка. Невысокого роста, худой, телосложением как подросток. На смуглом скуластом лице глаза-щёлочки, из-под спортивной шапки выбиваются клочья давно нестриженных чёрных как смоль волос. Спортивный костюм в пятнах крови.

— Здравова товаришшы! — простодушно улыбнулся человек и подал для приветствия мускулистую шершавую ладонь. Привычка таёжного человека, непривычного к компании, здороваться непременно за руку. — Будем знакомы. Витька.

— Александр.

— Аня.

— Слышал я чё вы тут ищите. Проходите уже. Щас поговорим. Я оттуда две недели назад сбежал, с Наукока энтого. И причиндалы все побросал.

Мы с Александром переглянулись и зашли внутрь дома.

Глава 8

В столовой табачный дым столбом. На обеденном столе расставлены бутылки с водкой и газировкой, закуска. Трое мужчин, сидящих с краю производили столько шума, что казалось, в помещении человек десять. Однако Иван, только зайдя, сразу же разогнал тёплую компанию кого куда.

— Малой! А ты чё тут расселся? Давай на пилораму, рабочий день ишо не кончен! Пару кубов осиновой полсотки хоть допилите сёдни. Михалыч, туды растуды, а ты чё? Шашлык сам себя пожарит? Зверюгу разделали уже? А чё сидите квасите? Тут гости уже пришли, а вы уже битых полчаса одно и тоже всё. Иди, иди давай! Без мяса и не приходи. Стой! На остограмься и вали давай. Я позже дойду. Митрич, и ты с ним! Чё сидеть-то, делов по горло ишо!

Мужики, одетые в камуфляж, заготовали, но подчинились, ушли, на прощание бросив внимательные взгляды на нас, несмотря на хмель. Изучали. Проверяли, что за птицы городские и чего ждать от нас.

— Мариш, дай чисту посуду да закуски покрасивше.

Улыбчивая Марина споро принесла стопки, разложила по тарелочкам солёные грузди, порезала свежие огурцы, таймешачий балык. Но не осталась, опять сославшись на недуг, ушла. Хозяин разлил по стопкам водку. Налил немного и мне, заговорщицки подмигнув.

— Ну... Будем... — слегка как бы взболтав, опрокинул пузатую стопку и смачно захрустел огурцом. — Свежи! Свои! Тока что пошли!

Витька был застенчив и постоянно отворачивался от меня. Всё видящий Иван расхохотался.

— Вишь Аня, как смутила ненца нашего. Всё по тайге да по тайге. Вместо бабы ружжс и собака. Вот и всё развлеченне. А мужику уже под сорокет.

— Не ненец я, Василич, ну знаш же...

— Ладно тебе, не обижайся. Ты ж знаш, я шую... Говори, чё там видел-то в тайге-то. А потом и я мож чё-нито скажу.

Витька как будто помрачнел ещё больше и, нехотя, но разговорился.

— А видеть-то я особо ничё не видел, товаришшы дороги. А слышать слышал. Жутки вещи слышал я по ночам, — Витьку словно передёрнуло от недобрых воспоминаний. Чуть помолчав и без разрешения хозяина налив ещё водки, продолжил.

— Человек я сызмальства к лесу привыкши. Как школу-интернат закончил, так всё по тайге да по тайге. Где токо не был, товаришшы. И зверька бил, промышлял, и рыбу на Анисее ловил, осётра да стерлядь, и с ненцами зимовал в тундре, нерпу били да жир топили. Но нигде я товаришшы, такого страшного места не встречал, как Наукок энтот.

— Чё ж там страшного-то, Витча? — как будто подначивая насмешливо спросил Иван, закуривая сигарету. Но взгляд его остался серьёзным, заметила я.

— Вышел я туда месяц назад. Человек я небогатый, техники у меня токо снегоход, но на нём, как понимаетти, летом не поползаш... Вышел пешим, и Линду взял с собой. Собачёнка моя. Была... Там же лагеря в ранюшие времена были, зэка добывали серебро. Потом перестали. Но много чё ценного осталось. У них и электростанция там была. И клуб. Я иной раз захаживал, пару раз мимоходом... То да сё прихватить для дому. Для меня полсотни вёрст это так себе... Для развлечения... И всегда хорошо было. Домишко один приглядел.

Сторожку. Там и ночевал, пока шарился по тайге. И всегда там каку-то беду предчувствовал. Страшно там было. Темень вокруг, лес... Но последний раз каждую ночь странны звуки стали слышаться. Как будто кто-то резину свистящцу крутит. За домом, в темноте, метрах в полстах, за соснами. И звук этот слышался только тогда, када до ветру выходил, и только в тёмно время суток. И ладно бы с одного места звук этот шёл. Но нет. Сначала справа. Потом слева. Потом ещё где. Как будто како-то существо передвигалось. Пробовал светить фонарём, ничё не видно. Но собаку, товаришшы...

Витька замолчал и посмотрел в окно.

— Хоть за шиворот вытаскивай... Не идёт, к ногам от страха жмётся. Один на один на ведмедя кидается, волки нипочём или ещё кака зверюга, а тут нет... Боится. Потом ещё хуже стало. По утрам, когда ветер стихнет, слышал я как будто по стенам кто-то шкребёт. Костями... Иль стучит. И такой страх охватывает, что на улицу и не выйти без ружжа.

— Кто там те стучать-то будет? Дятел поди аль вороны.

— Решил я всё-таки уйти оттедова, заманало всё, — продолжил Витька, не обращая внимание на подколки Ивана. — Вышли с Линдой поутру, чтоб успеть засветло до реки дойти и там заночевать. Уже спустился с горы, когда сзади опять послышался звук. Странный. Будто кто-то железной ложкой о котелок стучит. Сначала вдали, а потом всё ближе и ближе. Я уж думал, шалит кто из наших, но нет. Жутко стало. Прибавил я ходу, хоть и бежать-то некуда, дурнина кругом и средь неё тропа. И в вечер дошёл-таки до реки Нутуяс. Токо Линды со мной уже не было. Перед самой рекой залаяла, как будто чёрта увидела и назад. Я кричал, кричал, но исчезла. Пропала собачка.

— А вы что? — заинтересованно спросил Александр.

— А чё я? Уже в темноте перешёл реку, развёл костерок в кустах. Там летня стоянка у меня заделана с шалашиком. Всю ночь смотрел, ждал и звал Линду. Так и не пришла. Ну и я сюды пошёл, до дому. Так что ребята... В плохое место вы идёте.

— Ладно, хватит бабски страшилки рассказывать! Час мясо кушать будем! Где там эти охломоны? — хозяин встал из-за стола и вышел из комнаты.

— И что вы думаете? — опять спросил Александр. — Вы знаете, все эти события, безусловно, тревожные, но всё можно объяснить с рациональной точки зрения.

— А я и не хочу ничё объяснять, — Витька налил водку, выпил, а потом встал из-за стола и вытер рот рукавом. — Это вы будете объяснять, товаришшы. Вам туда идти. А я... Больше ни ногой. Ну нахрен эту тайгу!

Махнув рукой он вышел на улицу, вслед за Иваном.

— И что ты об этом думаешь? — Александр открыл дверь передо мной, и вышел следом на задний двор.

— Спасибо, — поблагодарила я и тихонько рассмеялась. — Тебе лучше не знать.

— Почему это?

— Испугаешься.

— Да ладно. Колись давай, что там у тебя.

— Нууу... — задумчиво начала я. — Всё это странно. То, что я слышала здесь. Но не ново. В разных местах одно и то же. Чупакабра, йети, летающие люди, чудовищные звери.

— А конкретика будет? — настойчиво спросил напарник. — Так и отделаешься обязательно общими фразами?

— Конкретика... Там что-то есть. И оно очень недоброе. Животное. Человек. Чёрт, да пусть даже природное явление. Но дыма без огня не бывает, Саша. Ты кстати, ничего не хочешь говорить о своем мнении. Теперь твоя очередь сообщить свой вердикт. Конкретику.

— А я не знаю, — развел руки Александр. — Абсолютно. Вот так.

— Так просто и буднично? — опять рассмеялась я.

— Да. Представь себе. Пойдём в лес и на месте всё узнаем.

За домом на крюке, воткнутом к столбу, висела туша молодого лося. Охотники уже освежевали и выпотрошили зверя. Ценную требуху — желудок, сычуг, печень, почки, лёгкие, оставили на жарено, кровь слили в ведро для кровяной колбасы, кишки бросили шустрим собакам, тут же с рычанием и лаем их растащивших по кустам и крапивам и затеявших злую возню. Тонкий край, уже срезанный, дымился над углями в решетке, заполняя всё вокруг аппетитные запахом.

— Я не люблю квасить мясо как городски, всяки аджики или маянез, — вытирая запачканную кровью ладонь тряпицей, сообщил Иван. — Солью потру, да и хорош. Ничё больше не надо. Вкуснятина. Щас готово будет скоро.

Расположились на приволье, за домом. Прочно сколоченный стол, лавки по краям. Рядом огромный котёл на тагане, накрытый листом картона.

— Тут когда шурпу варим или уху из таймешка, нельмы, — кивнул головой хозяин. — А когда и олешек целиком туда нырят.

— У вас тут как будто харчевня какая, — удивилась я.

— Так все ко мне идут, надо и не надо, — рассмеялся Иван, размахивая руками. — Все мимоходяшы заходят, и месны и не месны. Туристы да охотники. Знают где заночевать да поесть можно. Для каждого и постель и еда найдётся. А надо так и водилу найдем с транспортом иль ещё чё. Едим тоже вместе часто. Подстрелит человек олешка или лося, куда ему стоко мяса. Продать тут некому, у каждого стоко же. В город везти долго, да на горючку скоко отдашь... А там куда девать? У магазина встать, по килограмму продавать? Так это холодильник надо там где-то. А тут опчество выручит, приговорит за раз или за два, токо кости останутся. У нас тут так. Седни ты, завтра тебе. Ладно... Хватит балакать! Ребята, тащыте мясо! Щас Мариша нам на стол накроет.

Компанией помогли хозяйке, принесли тарелки с закусками, расставили стопки, разлили водку, нарезали мясо. Расселись за столом. Витька совсем уже захмелел, то плакал, то смеялся, потом свалился в Крапиву, облепленный комарами.

— Витьша, слышь! Хорош уже тебе. Неевши опять наклюкался. Давай до дому, шас комары сожрут. Вечером прийдешь, похмелю. Иди уже! Ну, давайте, гости дороги, будем!

Пить спиртное совсем не хотелось, и я лишь пригубила для виду горькую водку, зажевав чуть прихваченным углями мясом. Напарник тоже сильно не усердствовал. Таёжные мужики и пили и ели вволю. Хорошо что ветер не стих и отгонял комаров, иначе так бы не посидели.

Ничего нового мы не узнали, да и местные говорили в основном о своём, изредка вставляя смешки на разные темы. Потом подошли две женщины. Шутки и смех стали более разухабистыми. Заиграла блю туз колонка, выгашенная на свежий воздух и мы, поблагодарив хозяина за гостеприимство, отправились в свою избушку.

Гостевой домик был мал и с бросающейся в глаза спартанской обстановкой. Две двухъярусных кровати, меж ними тумбочка. Окошко с видом на реку. В углу топленая утром и прогоревшая печка. У входа вешалка и небольшой столик. Вот и всё. Но вроде тепло, чисто и не застоявшийся воздух.

— Неплохо, — оценила я и бросила рюкзак с тубусом на кровать. — Сейчас время разобрать вещи и посмотреть карты чтобы проложить маршрут.

— Маршрут я уже проложил. Не сказать что он сложен, но на пути к Нутуясу несколько речек. Скорее больших ручьев. И они могут вздуться после сегодняшней грозы, — Александр повесил штормовку на вешалку и завалился на свою кровать. — Квадроцикл с тележкой в гараже, а также твои вещи, которые мне передали спасатели. Что там?

— Ничего особого, — пренебрежительно махнула рукой я. — Спальник, палатка, набор вещей для похода, аптечка, спутниковый телефон, фонари, аккумуляторы. Оружие.

— Оружие? Ружьё в смысле?

— Там дробовик, пистолет и автомат. Патроны. Гранаты. Больше мне ничего не надо.

— Стой! Ты что, на войну собралась! — недоуменно спросил Саша.

— Да. А ты куда? Тебе разве не сказали, что это военная операция? А тут ещё меч, — я вытряхнула вакидзаси из тубуса на кровать и приготовила переноску на плече. Быстро проверила рюкзак, в основном со средствами гигиены и бельем.

— Аня... Я... Не знаю. Нет. Мне сказали, в МЧС, что необходимо на время побыть проводником и помощником у специалиста по поиску людей в горах и лесах. Всё. Я не думал, что здесь так опасно. У меня есть ружьё. Но с ружьём здесь каждый таёжник, — растерялся Иван. — Кого ты думаешь встретить там? Пришельцев? Рептилоидов? Бандитов

— Монстров! Я думаю там встретить монстров! — рассмеялась я, обнажив меч и кругнувши его вокруг кисти. Лезвие вакидзаси льдисто блеснуло в полумраке домика. — Пойдём и посмотрим что нам дали в дорогу люди в чёрном.

Впрочем, там было всё как обычно. Пока Саша возился с квадриком, в последний раз проверяя всё, я проверила наличие оружия, запасных патронов и снаряжение. Всё в порядке.

День уже клонился к вечеру, когда мы закончили со всеми приготовлениями. Иван позвал ужинать, но я отказалась и завалилась спать. День предстоял трудный. В чёрной тайге я давно не была.

Утро встретило туманом и прохладой. Чуть рассвело, как начали собираться. До вечера хорошо б доехать до реки Нутуяс, где у геологов устроена стоянка, иначе придется ночевать в тайге, у дороги, а этого не хотелось. Ещё успеется.

На скорую руку позавтракали — Марина нажарила мяса. А что? Тот же бекон. Да ещё с грибами. Иван после вчерашнего кряхтел и вздыхал с похмелья. Но держался, не похмелялся, отпивался квасом и чаем с душицей.

Напарник сунул было ему пятитысячную купюру, но тот небрежно отмахнулся.

— Забери свой рваный. Чё я, нишшый совсем? Обижаш, малой. Будь осторожен. И девку свою береги. Не на свадьбу идёте. Я б так и в жись бы не пошёл туда.

— Почему? — приостановился уже собравшийся уходить и открывший дверь Александр. — Что-то случилось?

— Баушка ищо говорила что плохи там места. Много душ погибло в той стороне.

— И это всё?

— Не всё. Видел и я кое-што. Но вам ведь ехать надо, чё время-то попусту терять.

— А вы расскажите, — заинтересовался напарник, пододвинув стул и садясь обратно. — Торопиться нам особо и некуда.

— Ну-к, хорошо. Расскажу, — Иван не торопясь раскурил сигарету и начал.

— Был я и в армии, и в тюрьме сиживал. Но потом правильной жизнью решил жить. А правильна жись для мужика кака? Точняк. Свободна. Устроился я в промыслову артель. Эт исшо при СССР было. Промышляли мы зверька близко к Наукоку. Песец так-то в тундре проживат, но иногда его поголовье вырастат там, и корму мало становится, тогда он скатываются в тайгу. Чаще северну, но и к нам много доходит. Раз в четыре года така история случатся. В тундре лемминги и мыши расплождаются — у зверька много еды, он тоже размножатся. Зверёк лемминга подьел — голодат, дохнет. А на следующий год опять лемминг размножатся, зверька-то мало. Таки вот циклы у них. Но само главно, кочует он не просто так. Есть у него особы тропы. Пути миграции знаш ли... Одна из них через Наукок проходит. И на этих тропах хорошо поднять можно. За зиму мужики по несколько тыщ на шкурках барыжили советскими деревянными. Тока зимовье хорошо надо, припасы, еда, ловушки. И живи не хочу всю зиму.

— Через Наукок особо ценный зверёк пробегат, голубой песец на, — продолжил Иван. — Одна шкурка по полсотке может отходить.

— Тысяч? — удивился Александр.

— А то! Там смотря какой подшёрсток, ость... Ну да ладно. Слушайте дальше. Издавна среди промысловиков существует поверие, что есть будто бы и красный зверёк. Пряма така вот, красна шкура и глаза. А где он остановится нору себе рыть, там будто бы золото есть — самородок, или древний клад.

— Это наверное всё таки сказка. Послушайте, этого не может быть! Цвет меха у животного служит для маскировки в первую очередь, — возразил Александр. — Трудно представить, чтобы в тайге жил зверь с красным мехом.

— А я его сам видел. Сааам! — протянул Иван и закурил ещё одну сигарету. Было видно что он очень нервничает, вспоминая былое. — Заташшыли мы в тайгу снарягу. Там на берегу реки зимовье старо было. Мы с напарником по имени Кузьма, со староверов он, направились

туда по осени. Заране приехали. Подрубили, подлатали избушку, дров направили. Наловили рыбы в реке, навялили чтоб приманка была. Так прошло с месяц. А потом залегла зима. Мороз сорок да писят, то пурга така, что избушку с крышей занесёт. А мы ж не на курорт приехали, работать. Деньги- то, что на лесосеке заработали, вложили. В ружья, припас, одежду, ловушки. Хошь не хошь, буран не буран, надо в тайгу ходить, ловушки проверять. Вот только напрасно все было. Не пришёл зверёк.

— Как не пришёл?

— А так. Это нам потом рассказали, весной уже. В тундре хоть лемминги и закончились в тот год, но кака- то болячка охватила оленей. Половина поголовья подохло. Вот зверёк его и подьедал всю зиму. На юга не откочевал, остался на севере. Но один раз в лесу, когда мы уже совсем отчаялись, услышал я вроде как тьяканье песцовое. Разозлился. Думаю, щас я тебя, зараза, порешу, хоть себе на сапоги. Осторожно прокрался к подлеску, заваленному снегом, а там сидит зверь. Шкура красна, из глаз огонь. Сиди жрет что-то кровавое, вроде как оленя. Костями хрустит. А сам... Огромный как медведь. Увидал меня, и как дал дёру, токо деревья ходуном заходили. Сказал напарнику, он тоже признался, что видел плохое в тайге. Девка гола, танцует на снегу, в бубен бьёт. Нерусская. Орёт что- то когда по снегу прыгат. И к себе призывает, побегать по тайге, по логам. Токо вот идёт по сугробу и ни снежинки не шелохнется. И следов нет. Так напарник мне рассказал.

— А не мог это быть мираж... Затмение разума какое-то? — развел руками Александр. — Или маета эта, про которую все тут талдычат? Вид некоего психоза, сводящего с ума?

— Может и так. — Иван перестал бороться с собой, махнул рукой и налил рюмку водки на опохмел. — Токо я туда не ногой. Нечиста сила там живёт. Таежна ведьма, костяна нога, рука как клюка. Призывает к себе, в ледяной дом под землёй, пиво пить из волос да медвежжих слёз.

— А что дальше-то было? Песца вы не добыли, как жили — то?

— Так и жили. Книжки читали, взятые собой были. Я как щас помню их. Братья сеяли пшеницу, да возили в град-столицу, звать столица та была недалече от села. Золотой человек написал! Это ж надо в две строчки стоко чувств вплести. Как будто вживую видишь всё. Ну а чё ещё делали? Ходили на охоту, мясо варили да жарили, избушку от снега чистили и байки страшны травили. Так и зима прошла.

— Спасибо вам за все, Иван, — улыбнулась я. — Нам нужно идти. Это наша работа.

— Ну, давайте. Авось ищо свидимся, — хозяин снова налил водки и выпил. — Ухх, пошла! Похоже, ещё один день будет испорчен. Ну и пусть. Щас спать лягу.

Мы вышли из дома и пошли в гараж, заводить квадроцикл. Тайга ждала нас.

Квадроцикл, забуриваясь в глубокие ямы и колеи, раскатанные внедорожниками и грузовиками, натужно ревел и плевался сизым дымом, обволакивающим окружающую растительность. Для квадроцикла это была нелёгкая задача — езда по дорогам, больше напоминающим бездорожье. Ехать можно только на пониженной передаче, иначе не получалось. Через час из-за мотания на неудобной сидухе туда-сюда разболелось всё тело. Да... Это вам не дачные покатушки...

Потом дорога стала подниматься ощутимо выше. Здесь немного посуше, но чаще попадались камни и на дороге и в траве вдоль неё. На обочине вместо корявых лиственниц и елей появились сосны и кедры, среди которых то и дело виднелись крупные валуны, остатки древнего ледника. А иногда и целые скалы высотой чуть не в десяток метров торчали тут и там. Травы в лесу поубавилось. Дурман высотой в человеческий рост сменили костяника и сныть, временами папоротник. Запахло грибами.

К обеду доехали до первой речки. Бурный поток шириной метров пяти с шумом грохотал по крупным камням. Несмотря на малый размер и глубину в два десятка сантиметров он мог стать серьёзной преградой, так как местные преодолевали его обычно на тяжёлой технике и успели раскатать брод так, что через него вели две глубокие колеи, по бокам которых грудились крупные валуны. Где-то ниже по течению, за скомканными половодьем кустами тальника вода обрушивалась водопадом, чувствовалась водяная пыль. Выше видно небольшой омут, по которому россыпью разбежалась стайка хариусов. Ни там ни там не проехать, только по броду.

— Мда... — неуверенно протянул Александр, покручивая рукоятку газа. — Неприятное место.

— Поди не утонем, — рассмеялась я и покрепче ухватила его за пояс. — Газуй давай! Не назад же возвращаться!

Напарник до отказа выкрутил педаль газа и квадрик с рёвом стартанул с места. Тут была надежда на быстрый наскок, чтобы преодолеть брод пока машина не зарылась в камни и не хлебнула воды движком. И она сработала. Или везение или водительское мастерство водителя. Мы на скорости преодолели речку, правда, всё-таки намочили ноги и грузовую тележку чуть не снесло вниз по течению. Она уже наполовину утонула в воде, когда Александр последний раз выкрутил газ и квадрик рванулся на сушу, разливая по берегу воду. Несколько раз газанув, чтобы проверить, не намочилась ли электропроводка, он заглушил мотор и спрыгнул на камни.

— Привал. Обед.

Достали небольшую спиртовку, разогрели куски мяса, сунутые Иваном, и не торопясь пообедали, разговаривая о всякой ерунде. Я оглядывала окрестности и заметила, что речка в половодье довольно высоко разливалась, судя по мусору и сухим веткам, застрявшим за прибрежные тальники на высоте в пару метров. Да... После дождей здесь можно и не переправиться, придётся куковать на берегу, пережидая пока вода не спадёт.

Мы не первые остановились тут. Люди заранее просчитывали маршруты и места для ночёвок. Да и место удобное. Тайга чуть отступила, раздвинулась, словно уступая перед свободолюбивой речкой, одновременно даря путешествующим людям хорошее место чтобы отабориться.

Выше, на глинистом берегу, виднелся немудрёный навес — рама из жердей, обитая брезентухой, на четырёх осиновых столбиках. Под навесом выложен из камней очаг с кучей старых угольев в центре. Но следов человека поблизости не видно — замыло дождями. Давно не было здесь людей, так давно, что даже медведи несколько раз побывали. Вспомнилось мне, что и на дороге не видно свежих следов ни транспорта, ни людей. Значит, из посёлка Дружба никто не ездил в ту сторону, когда пропали геологи. Причина способствовавшая исчезновению людей не пришла извне. Она таилась где-то перед нами, в глубине лесов.

После обеда и привала мы посидели немного, набираясь сил, а потом опять рванули вглубь сибирских джунглей.

Где-то далеко глухо громыхал гром, однако над нами, насколько видно, тянулось чистое небо с редкими облаками. К вечеру мы кое-как добрались до реки Нутуяс. По пути пришлось переправляться ещё через несколько речек и ручьёв, но такого экстрима как при переправе через первую, не понадобилось. Они были довольно мелководны и переехали мы их без особого труда. Когда солнце садилось за горы, и на долину упала густая тень, на высоком галечном берегу нашли сборный домик геологов. Дверь закрыта, но замок отсутствовал. Внутри ничего особенного. Пустая вычищенная печка, запас дров, небольшой набор медикаментов, пять банок тушёнки с ключом для открывания, спиннинг с несколькими блёснами. Всё для того, чтобы продержаться неделю в тайге на случай форс-мажора.

От домика вела ещё одна дорога, к северу. Я вспомнила рассказ Витьки что там раньше находился какой-то заброшенный посёлок. Да и местные, наверное, ездили туда в поисках золотишка. Рядом с домиком небольшая ровная площадка, на которой приземлялся вертолёт. На противоположном берегу реки видно когда-то отсыпанный гравием спуск для автомобилей. На плато когда-то ездили...

Сама река метров тридцать шириной, но мелкая. Вода чуть слышно струилась по галечному дну. То тут то там плескался хариус, охотясь за мошкаррой. Преодолеть реку не представлялось трудной задачей.

— Ну что? Путь в ад открыт? — засмеялся подошедший Александр. — Мне кажется, проедем без труда.

— Да, — согласилась я и поковыряла носком ботинка гальку. — Если не поднимется вода. На севере громыхает.

— И что предлагаешь? Переправиться через реку сейчас, и заночевать на том берегу? В кустах?

— Ну уж нет. Напоследок пожалуй что стоит насладиться благами цивилизации, — рассмеялась я и пошла к домику. — Вещи надо занести внутрь. А то вдруг дождь.

Мы споро разгрузили тележку квадроцикла и затащили снаряжение в домик. Когда совсем стемнело, зажгли светильник на батарейках и поужинали, доев мясо и хлеб. Дальше нам предстояло питаться лишь сухими пайками — на охоту и рыбалку не было времени. Если конечно, миссия пойдёт не по плану и мы здесь задержимся... Но не хотелось и думать об этом.

Я стянула камуфляж, раздевшись до майки и трусов, повесила одежду на бельевую верёвку. Стянув ботинки, сняла носки и пошевелила пальцами ног. От них слабо пахло, но это пока ещё обычный запах натруженной кожи. Всё-таки не мешало хотя бы сполоснуть ступни в реке, но мысль шлёпать босиком по холодным камням в темноте что-то не казалась приятной, поэтому я отбросила её и ограничилась влажными салфетками. Потом расстелила спальный мешок вместо простыни и достала тёплый плед. Под голову положила мешок с вещами.

— А у тебя накачанное тело, — удивился Александр, исподтишка осмотрев меня. — Что это за отметины? Шрамы?

— Следы. От прошлых заданий, — небрежно ответила я и завалилась на кровать, накрывшись пледом и закинув руки за голову.

— Хорошие такие задания! — осторожно рассмеялся напарник. — Это пули? Ты

служишь в армии?

— Почти в армии, и почти пули, — я перевернулась на бок и посмотрела на него. Александр тоже немного разделся и разулся, сбросив штормовку и берцы. — Или стрелы.

— Стрелы? Бывает и такое в наше время?

— Лук — самое простое и надёжное оружие во все времена.

— Да ты шутишь! Кто это пулял в тебя стрелами?

— Есть такие, представь себе...

— Слушай, я конечно, лезу не в своё дело, но зачем тебе вот эти татуировки на теле и на руках? Это что-то кельтское? Первый раз такие вижу.

— Это не кельтские татушки, — нравоучительно ответила я и вытянула руку. — Это защитные руны жрецов Тора из Старой Уппсалы в Нордланде. Ну как можно спутать спутать кельтов с искусством эпохи Вендела? Это же разные совершенно стили!

— А я вот путаю, потому что не знаю просто, — усмехнулся Александр. — И от чего же они защищают, если не секрет?

— Они защищают моё тело. Если я попаду на другую планету или в другую грань мироздания, где не смогу существовать физически, они сохранят жизнь, перестроив биохимию тела в соответствии с местными условиями.

— Чтооо? — чуть не поперхнулся Саша, с изумлением глядя на меня как на ненормальную. — Да ты шутишь! Нет, скажи что ты угараешь!

— Нет, мой друг, не угараю и не шучу, — солидно ответила я. — Представь себе, что ты попадёшь в одну из граней ада. Там температура триста градусов по Цельсию, высокое давление и ядовитая серная атмосфера. Как ты там выживешь? Никак. Превратишься в высохший труп за минуту. Или попадёшь в недра планеты-гиганта? То же самое. Руны предохранят меня от таких событий.

— Это невозможно! — безапелляционно махнул рукой напарник и ещё раз с удивлением посмотрел на меня в поисках насмешки, но увидев, что я абсолютно серьёзна, нехотя спросил. — И часто ты там бывала? В этих... О боже, о чем я? Измерениях?

— Нечасто. Но приходилось. Уж поверь мне на слово.

— Ну хорошо... Но тогда... О чёрт, что это? Кто там?

За стеной избушки слышно как кто-то шёл по берегу реки, загребая гальку ногами. Саша вскочил с кровати и подбежал к окну, всмотревшись во тьму, но похоже, ничего не увидел. Потом шаги стихли, удалившись.

— Кто там был? Ничего не видно.

— Медведь. Слышно как когтями задевает за камни.

— Ни разу не слышал как ходит медведь. Мне показалось что это человек.

— А теперь представь себе как услышав такие шаги, некто, к примеру, неопытный турист, с криками выбегает в надежде встретить такого же человека как он, и попадает прямо в лапы зверя.

Неожиданно раздался медвежий рёв. Недалеко, метрах в ста от нас, в районе дороги, по которой мы приехали. Но рёв тут же перерос в разновидность то ли стоны, то ли яростного хрипящего визга. Такое ощущение, что зверь вступил в схватку. Затрещали заросли. Да. Во тьме шёл бой не на жизнь, а на смерть.

— Да что там творится-то? — обеспокоенно спросил напарник и встал, зарядил ружьё, опять всмотрелся в окно.

"Дробь. Чем она поможет то" — заметила я и уже вслух добавила. — Успокойся. Нас

это не касается. Утром разберёмся.

— Хорошо. Правда твоя, — Александр опустился опять на кровать, но положил ружьё рядом с собой, на пол. — Я теперь не усну.

— А ты попробуй! — рассмеялась я, закуталась в плед и тут же провалилась в глубокий сон.

Утро встретило туманом и плеском хариуса в реке. Неспеша оделись и позавтракали, открыв банки с консервами. Александр ел спешно, в нетерпении поглядывая в окно. Я чувствовала, что напарнику не терпится выяснить, что там случилось ночью. Хотела ли этого я? Возможно.

Однако мы тщательно обыскали окрестности, но кроме поваленных и поломанных кустов тальника чуть поодаль от реки ничего не нашли. Правда, на отсыревших за ночь камнях была видна кровь, а на поломанных ветвях раздувалась ветерком медвежья шерсть, но в целом это ничего не говорило. Возможно, медведь нашёл подранка и прикончил его. Например, матёрого лося, но жертва смогла нанести хищнику серьёзную рану. Бывало и такое.

— Ничего! — разочарованно буркнул Саша. — А реву было, словно битва века.

— Меньше знаешь, крепче спишь, — философски ответила я, спросонья потягиваясь всем телом. Надо бы сделать разминку. Мышцы за ночь затекли на неудобной жёсткой кровати. Хотя, возможно мы ещё добрым словом будем вспоминать эту ночёвку. Предстояли долгие дни и ночи в тайге. Я поёжилась, представляя будущие неудобства и стала собираться в путь.

Меч закрепила на плече, автомат, крошечный УЗИ, повесила на шею, вместе с биноклем. Остальное распихала по разгрузке. Пистолет сунула в кобуру на ремне. Накинув рюкзак на плечи, потопала и попрыгала, проверяя удобство снаряги. Терпимо, можно выступать.

Саша, пока я собиралась, со всё большим изумлением смотрел на мои приготовления и наконец не выдержал.

— Слушай, это же смешно, ты что на войну собралась?

— Кажется, ты это уже спрашивал, — флегматично ответила я, брызгаясь репеллентом из баллончика. — Ответ такой же. Да. На войну. И первым делом на войну с комарами. Лови!

Я бросила баллончик напарнику, с трудом поймавшему его и тоже залившему себя с ног до головы.

Река за ночь не поднялась. Хорошо. Можно попробовать переправиться. Квадроцикл ревел, болтаясь по осклизлым камням из стороны в сторону, но всё таки ехал вперёд. Через несколько минут мы уже стояли на другом берегу реки и даже не замочили ног.

— Ну, поехали! — Саша крутнул ручку газа и мы почти залетели по камням на высокий берег. Тут пока неплохо. Несмотря на много лет, прошедших с того времени, когда по дороге ездили автомобили и тяжёлая техника, кое-как по ней ещё можно продвигаться. И хотя на дороге временами выросли молодые деревья и высокий бурьян, которые приходилось либо срубить, либо ломиться напрямую, мы ехали. Однако расход горючего был конечно ни к чёрту, мотор постоянно работал на пределе.

— Скоро придется идти пешком, — мрачно заявил напарник, заливая последнюю канистру бензина. — Не думал, что так получится.

— Значит, пойдём пешком, — согласилась я. — Мы и так проехали порядком.

— Слабое утешение.

Дорога постоянно, вроде бы незаметно, но понемногу шла в гору. Сначала она петляла

по логам, где было довольно топко и мы с трудом продирались по высокому бурьяну. Потом вышла на вершину невысокого хребта и уже петляла по нему. На пути то и дело попадалась молодая поросль осин и берёз. Тайга немного расступилась и впереди угрюмой стеной навис хребет Наукок, простиравшийся от края до края горизонта. Путь к нему преграждали горы поменьше, но они казались тоже труднопроходимыми, а кое-где крутыми и скалистыми.

Туман спал и в лесу под деревьями клубился гнус. Но летнее солнце пока ещё разгоняло его, да и на вершине горы, на обдуве, он не так свирепствовал как в логах. Репеллент спасал на пару часов, но потом смывался потом и росой, приходилось снова использовать баллончик. И клещи... Самое неприятное это клещи. Частенько я замечала кровопийца, ползущего по одежде.

К обеду мы проехали половину расстояния до плато. Осталось километров пять. Наскоро перекусили, не разводя костра и продолжили путь. Но отсюда дорога была совсем плоха. Она шла по склону горы под очень крутым креном. Внизу болото, вверху непроходимая дурнина. Дорогу то и дело пересекали вырытые потоками дождевой воды промоины. Свешиваясь то в одну, то в другую сторону, мы как могли распределяли вес, чтобы не опрокинуться. Такая езда выматывала ещё сильнее чем пеший путь и я уже подумывала, что стоило бы дальше пойти пешком. Но поклажа...

Через пару часов дорога закончилась. Мы остановились перед очередным подъемом на гору и увидели что путь преграждает огромная поваленная с обрыва сосна, раскинувшая сучья и корни прямо в небо. Здесь, в ложбине, зарывшись капотом в болотину, застрял древний трёхосный ЗИЛ. Кабина заросла дурманом, брезент сгнил, ключьями свисая с дуг фургона. "Как кожа со скелета" — подумала я. Несколько десятков лет простояла брошенная машина в этой глуши. Судя по неестественно вывернутым колёсам, рассыпалась трансмиссия вездехода, не выдержав здешнего бездорожья и оказалось проще столкнуть машину в болото, чем тащить ее на ремонт бог знает куда. Обычное дело в тайге и тундре. Здесь таких сломанных, брошенных, завязших в болоте, утонувших в реках и промоинах машин, тракторов, вездеходов — воз и маленькая тележка. Особенно старых, покинутых невесть когда.

— Финита ля комедия! Приехали! — мрачно рассмеялся Саша и заглушил мотор. — Дальше не проехать. Даже бензопилой такой ствол не распилить. Да и чем оттащить?

— Ну что ж, значит пойдём пешком. Всё равно рано или поздно это бы случилось.

Здесь и был последний лагерь геологов. На пригорке была расчищена площадка, обложено камнями кострище. На дереве привязан мешок с консервами, чтобы не достали медведи и росомахи. Я обыскала округу, но ничего интересного не нашла. Всё то же, что описывали спецназовцы, бывшие здесь несколько дней назад. В бинокль оглядела окрестности, но ничего подозрительного не заметила. Горы, лес с клубящимся кое-где туманом.

Плато выглядело угрюмым. Скалы, поросшие кривым, избитым ветрами и ураганами сосняком и ельником, осыпи. Где-то там был курумник, на котором прибились спецназовцы. Но и дорога... Ведь туда шла дорога. Не может быть, чтоб она совсем стала непроходимой...

Солнце уже клонилось к горизонту, и чувствуя, что более удобного места для ночёвки нам не найти, мы стали располагаться на ночь.

Отабориться в тайге дело не хитрое, если место лагеря расчищено, устроено, направлено. С этим местом повезло, здесь уже ночевали. Пока я раскинула палатку, разложила спальники, Саша наломал сушняка в ближнем лесу, чередуя мелочь и крупные сучья, скоро развёл костёр. Подогрели жестянки с тушёнкой, банку фасоли.

Закат догорел и на горы упала тьма. Налетели тучи гнуса, но дым от костра отгонял его, да и репеллент спасал. Конечно, неудобство — постоянно дышать химией и с жирными от спрея ладонями, но иначе здесь не выжить.

Резко похолодало, при дыхании изо рта пошел парок. И было отчего. Ни облаков, ни туч. На небе высыпали мириады разноцветных звёзд. Здесь, вдали от города, они казались особенно яркими и крупными. И живыми. Я смотрела и не только представляла, но и ощущала всю глубину и величие космоса. В городе такого чувства никогда не возникало. Приглушённые пылью и смогом звёзды даже в ясные ночи смотрелись тусклыми бледными огоньками где-то там, далеко. Здесь же я видела всё разнообразие и многомерность пространства.

— Что там? — рассмеялся Александр, накинув на плечи плед, а на голову капюшон шпормовки.

— Космос. Инопланетяне. Звёздные империи, — пафосно ответила я. — Много чего.

— Ясно. Пошёл спать.

Напарник нырнул в палатку и задёрнул полог. Я внимательно осмотрела окрестности и естественно, ничего не увидела во тьме. Догорающий костёр освещал несколько метров вокруг и с трудом добивал до ближайшего леса. Тайга молчала. И в этом молчании чувствовалось нечто зловещее. Находясь в теплой уютной квартире легко смеяться над различными страшилкам, но посреди тёмного леса они воспринимаются по другому.

Мне показалось, что за нами наблюдают. Возможно, какой-то зверь, привлечённый издали отблесками и костра и дымом. Нас видно издали в такой темени, километров за десять, учитывая открытое расположение лагеря на холме.

Я достала из поклажи прибор ночного видения и внимательно осмотрела окрестности. В двадцати метрах от меня, за кругом света, прячась за деревом, что-то стояло. И это был не человек. Косматый монстр с обезьяньей мордой и отсвечивающими глазами выглянул и тут же спрятался за ствол сосны. Йети, снежный человек, бигфут. Я знала про этих существ, но видела впервые. Обычно они не причиняют вреда и стараются держаться подальше от людей, иногда, правда, с любопытством, им присущим, могут подходить и наблюдать из темноты. Я не сомневалась что этот зверь пришёл за нами из-за реки. Скорей всего именно он вступил в ночную схватку с медведем на берегу Нутуяса.

Йети стоял в абсолютной тишине, иногда выглядывая из-за дерева. Если бы не инфракрасник, заметить его совершенно невозможно. Существо знало, что я вижу его. Некоторое время оно стояло, а потом забеспокоилось и быстро скрылось в лесу совершенно бесшумно. Странно, да? Такой огромный монстр, ростом в два с лишним метра должен производить порядочный шум. Сухие ветви под ногами, густой бурьян, поваленные стволы деревьев мешали бесшумному продвижению. Но ночной гость исчез бесследно, как призрак.

И тут я услышала далёкий крик. То ли вопль, то ли стон. А может, рёв. Он доносился со стороны плато и как будто быстро перемещался в пространстве. С такой быстротой можно

только лететь в этом бездорожье.

Я бросила дров в костёр и вгляделась в направлении странного звука, но ничего не увидела, лишь показалась что вдалеке над последним гребнем плато что-то мелькнуло и тут же исчезло.

Разбуженный лесным криком Саша на коленях выполз из палатки, держа ружьё в руке.

— Аня, что это было, чёрт возьми? Впервые слышу такое, сколько ни ходил по тайге! — голос напарника был испуган и встревожен. — Ты ничего не видела?

— Нет, — соврала я. Вступать в долгие дискуссии не хотелось. Да и время неподходящее рассказывать про снежных людей. — Но слышала. Несомненно это не человек. Некое живое существо. Мы все ближе к территории тьмы.

— Какой ещё тьмы, да ты издеваешься! — негодуяще крикнул напарник и закашлялся, вдохнув дым от разгорающегося костра.

— Не издеваюсь, — невозмутимо ответила я. — Ты ж не будешь отрицать что некая таинственность всё больше нарастает?

— Да. Конечно. Извини. Забыл про твой сарказм. Сейчас он вовремя. И что мы будем делать?

— Спать по одиночке, как и всегда. Один спит, другой в дозоре.

— И кто сейчас будет спать, а кто будет в дозоре?

— Конечно спать моя очередь, ты ж спал уже, — рассмеялась я. — А ты в дозоре. Через три часа сменимся. Доброй ночи!

Я забралась в палатку, положила пистолет рядом с собой и уснула крепким беспробудным сном. Всё таки устали за день порядочно.

Перед рассветом напарник разбудил меня. Вид у него довольно измученный и продрогший. Кончились дрова, костёр погас, а идти в лес за новой партией он не решился, что конечно же, правильно.

Я в шерстяном спортивном костюме, сверху короткая парка, но всё равно немного замёрзла. Без движения во влажном холодном воздухе зябко невзирая на любую одежду. Я ещё накинула сверху плед и так просидела до рассвета, временами разглядывая окрестности в прибор ночного видения и положив пистолет рядом. Но больше никаких криков и чужого присутствия не было. Даже животные затихли.

Утром пришёл туман. Ещё до рассвета он седыми космами начал подниматься из темных ущелий и распадков, заросших черными кривыми ёлками и быстро надвинулся, заполонив всё вокруг. Одежда, тяжёлая от росы, потяжелела ещё больше. Двигаться не имело смысла, поэтому я сходила в лес, притащив охапку валежника, развела костёр и к тому времени как напарник выполз из палатки, уже успела разогреть банки с завтраком. Тушёнка, кукуруза, персики. Вот и весь завтрак.

— А ты можешь быть полезна, — рассмеялся Саша. — Спасибо!

Неспеша мы умылись в ближайшем ручье, потом позавтракали, разговаривая так... Ни о чём. Подначивая друг друга и пересмеивая. Потом собрались в дорогу. Время показывало уже полдень, когда мы собрали рюкзаки и пошли дальше, оставив квадроцикл в кустах. Бензина в нем осталось совсем немного, на обратную дорогу может и не хватить. Да и возвращаться назад я собиралась, вызвав вертолёт. Спецназовцев же эвакуировали оттуда. Впрочем, об этом думать рано ещё.

Отбросив ненужные мысли прочь я споро зашагала за напарником. К середине дня туман окончательно рассеялся и тут же пришла жара. К полудню температура поднялась до тридцати градусов и роса моментом испарилась с травы. Пришлось раздеваться до маек, иначе продираться по дурнине стало совсем невозможно. Сильно докучали оводы и слепни.

Продвижение было тяжёлым — на дороге высокий дурман из мышиного гороха с шиповником, ноги постоянно путались в них, а шипы царапали кожу. Но всё же здесь недавно прошли люди, сначала геологи, потом спецназовцы и тропа какая-никакая, а всё-таки сохранилась.

Пообедали уже у начала подъёма на гору, во второй половине дня. Буйная растительность понемногу отступила. Земля здесь не такая плодородная как в низине — суглинок сменился на камни. Дорога стала посвободнее, уже видно старые колеи от машин, тянущиеся вверх по каменистой почве. По молодым осинам и соснам, выросшим на ней, можно судить что дорогой не пользовались лет тридцать, даже с учётом что деревья росли в неблагоприятной среде.

— Я тут подумала... Впрочем, наверняка об этом судить невозможно... — неуверенно сказала я, собираясь в путь и оглядываясь.

— Что? Говори.

— По местной легенде, этой дорогой давно не пользовались, со времён Сталина, но судя по деревьям, выросшим на ней, ещё лет тридцать — сорок назад здесь ездили. Годах в тысяча девятьсот девяностых или начале двухтысячных. За семьдесят лет тут стволы вот такие бы были, — показала я руками. — Да и внизу мало что выросло, кроме мелколесья.

— Твоя версия? — Саша внимательно глянул мне в глаза.

— Не знаю. Нет версии, — я закинула рюкзак на плечи и рассовала оружие по местам. — Ну, хорошо. Геологи эти никакие вовсе не геологи. На плато что-то ищут. Кто — не знаю. Но судя по широкому кругу задействованных лиц, вплоть до армейского спецназа и... меня, это или государство или влиятельный частный наниматель. Ищут нечто секретное. И ценное. Что-то такое приходит на ум.

— И что это может быть? Как думаешь?

— Не знаю. Но дорогой пользовались относительно недавно. Уже почти в наше время.

— Это невозможно, — недоверчиво протянул Александр. — А как же местные? Они бы наверняка знали. Сюда добраться только через поселок можно. Там каждая машина это событие. В такой-то глуши.

— Может, сюда ещё дорога есть, мимо посёлка. Да и на чём наша уверенность обосновывается, что сюда никто не ездит? На словах местных?

— Ну... Не знаю. Что тут гадать-то... Ань... Нам-то какая разница — ездил туда кто, не ездил. Как это с нашим-то заданием соотносится, я всё-таки не пойму, хоть убей? Предположим, кто-то из местных ездил туда в девяностые годы. Что дальше?

Спорить мне совсем не хотелось, поэтому я манула рукой и пошла по дороге вверх.

— Ладно. Пошли. Сейчас спорить нет смысла.

Понемногу стали подниматься. Травы мало, но приходилось внимательно смотреть под ноги, чтоб не подвернуть лодыжку или не поскользнуться — камни покрыты мхом и свалиться вниз только так.

— Какая тут высота, как думаешь? — мы остановились передохнуть у большой скалы, нависающей над дорогой. Саша тяжело дышал и сразу же сбросил рюкзак, сел на землю. — Давай передохнем. Устал. Рюкзак тяжёлый.

— Сделаем привал, — согласилась я и села рядом. — Метров пятьсот — шестьсот. Половину мы одолели.

— Кажется, будто на километр уже поднялись.

— Сапун гора. Долгий подъём на пять — десять градусов и через километр уже сядешь на жопу. Прямо как мы сейчас. А поднимешься всего на сотню метров по высоте. Терпи.

Посидев и отдышавшись мы пошли дальше. Солнце клонилось к закату — времени особо расслаживаться не было.

Чуть повыше дорога делала крутой поворот, изгибаясь перед расщелиной и обходя вертикальную скалу. После поворота путь нам преградил обвал. Груды камней и обломков скал сползли по крутому склону и завалили дорогу. Судя по мху и чахлым растениям обвал произошёл давно. Пройти конечно можно, но с особой осторожностью. Справа крутой каменистый склон, слева расщелина глубиной метров десять, часть камней скатилась в неё. Наверное, здесь и побились спецназовцы. В таких местах камни лежат непрочно, можно поскользнуться и упасть в пропасть, либо переломать ноги, неловко упав под неудобным углом. Курумник. Такие места, где поверхность состоит из сплошных завалов крупных камней часто встречаются в горной тайге и являются следами реликтовых ледников. Они очень опасны и люди их обычно обходят, за исключением туристов-экстремалов, но здесь обходить было некуда. Впрочем, Витька здесь проходил, значит, пройдем и мы.

— Ну вот. И что нам делать? — озадаченно спросил Александр, потрогав рукой крайний камень. — Чёрт!

Камень чуть качнулся под его рукой. Завал находился в неустойчивом равновесии. Этому способствовал крутой склон и наклонная поверхность дороги.

— Ты ходил по курумникам?

Я посмотрела на Сашу а потом внимательно оглядела завал. Идти метров пятьдесят, не меньше. И даже не просто идти, а карабкаться вверх с риском оступиться и упасть вниз, переломав себе кости. Камни крупные, с глубокими пустотами меж ними, куда легко упасть и застрять. А потом каменная масса чуть сдвинется и...

— Ходил. Но немного.

— Значит, идём. Осторожно. Пробуем каждый камень на устойчивость перед тем, как ступить на него. Торопиться нам некуда.

— Понял.

Я полезла наверх, стараясь избегать неустойчивости, Саша последовал за мной. Временами камни двигались и мы замирали, прекратив движение, но убедившись, что опасность миновала, шли дальше. С большим трудом, однако за час миновали преграду. Дальше путь свободен. Склон становился всё более пологим и наконец-то вышли на вершину. Поднялись и замерли, восхищённые грозным и мрачным пейзажем.

На горизонте громоздились высокие снеговые горы, за которые садилось закатное солнце, бросающее последние кроваво-красные лучи на тёмный лес и торчащие из него скалы. Тучи самых причудливых очертаний были окрашены закатом в удивительные и нереальные цвета. Кое-где видны искусственные сооружения, остатки давней жизнедеятельности человека.

Я попыталась разглядеть больше, но солнце светило прямо в глаза и долина, лежащая перед нами уже погрузилась во мрак. Дорога чуть спускалась по покатому склону вниз и ныряла в лес, но и там было видно, как она прямой линией проходит через чащу вдаль.

Справа стояла старая бревенчатая избушка с обвалившейся крышей и зияющими проемами окон. На стене скособоленная и одним краем упавшая на землю вывеска с выцветшей трудночитаемой надписью " Особый исправительно-трудовой лагерь..." Название лагеря было полустёрто, не осталось ни одной буквы. А может, их там и не было.

Рядом с избушкой лежала большая зелёная сумка с белой надписью "Армия России" и

пятиконечной звездой, накрытая полиэтиленовой плёнкой, придавленной камнями. Похоже, спецназовцы скинули балласт.

— Что там? — Саша снял рюкзак и сел прямо на камни.

— Я думаю, продукты.

Так и есть. Не желая тащить обратно, солдаты оставили продовольствие здесь. В сумке лежали армейские сухпайки, медицинская аптечка и бутылки с водой.

Пока окончательно не настала темень, мы поставили палатку, разожгли костёр из досок, валявшихся у старой избышки и поужинали армейскими запасами. Тушёнка, перловая каша, печенье, джем. Открыли бутылку воды.

— Нам придётся спать по очереди? — полу утвердительно спросил напарник. — Ясно. Иди, дрыхни, я посторожу.

— Как думаешь, на каком расстоянии нас видно? — задумчиво спросила я, вглядываясь на тонущее в ночном мраке плато.

— За несколько километров точно. Мы на открытой местности. Знаешь... Я не сказал бы что здесь всё так страшно, как я представлял. Трудно, но идти можно. Как тут можно пропасть, я ума не приложу. Эй, что ты делаешь?

Я достала фэйер и зажгла его, размахивая из стороны в сторону. Теперь, когда к огню добавился и окрашенный дым, поднимающийся к небу, наверняка мы стали ещё более заметными. Если кто-то из пропавших геологов выжил и увидит свет и дым, то поймёт, что их ищут. Вдобавок я выстрелила три раза в воздух из пистолета. Звук от выстрелов раскатами пронёсся из стороны в сторону, эхом отражаясь от скал.

— Теперь можно и спать. Иди в палатку.

Как и вчера, едва я коснулась головой спальника, сразу же провалилась в глубокий сон уставшего человека. Через несколько часов сонный напарник растолкал меня и напомнил, что пора бы и честь знать. Сонно соглашаясь, я кивнула головой и полезла наружу.

Неспеша размяла затёкшие за ночь мышцы, проснувшись окончательно, подбросила деревяшек в костёр и, отгоняя поваливший клубами дым, осмотрелась. Что я надеялась увидеть в кромешной тьме? Костёр? Какой-то сигнал бедствия? Ничего не было, естественно. Напарник прав — местность трудная, но проходимая. Выбраться отсюда может помешать только одно — смерть. С этими невесёлыми мыслями я и встретила рассвет.

Утром пришёл туман. Наползая снизу, из темных логов и ущелий, он быстро поднимался вверх, на плато, и в предрассветный час заполнил всё вокруг. Кроме белёсой хмари не видно ничего уже в двадцати метрах. Природа замерла, звуки сразу стали глухими и тихими, как будто доносящимися из погреба.

Я попрыгала чтоб взбодриться, и ещё подбросила досок в погасший костёр. Не загорелся. Пришлось разжигать заново, плеснув бензин из маленькой бутылочки. И уже вскоре огонь весело потрескивал и стрелял угольками. Дым не хотел подниматься вверх, стелился по земле, слезил глаза и вызывал кашель. Разбуженный моей бурной деятельностью напарник, чихая и вытирая слезы руками, выполз из палатки и укоризненно посмотрел на меня.

— Рано же ещё. Куда идти-то по такой росе?

— Вот именно что роса. Я мёрзнуть должна? — возмутилась я.

— И что мы будем делать?

— Завтракать и собираться идти дальше.

Пока завтракали армейскими припасами, я открыла на смартфоне документы, что прислал шеф и нашла папку, куда собрали спутниковые снимки территории. Были здесь и спутниковые Гугл-карты, которые легко найти в интернете, и более серьезные снимки высокого разрешения, сделанные с военных спутников.

От того места, где мы находимся, вглубь плато вела дорога до посёлка вольнонаёмных работников. Там же, чуть подалее, к югу, находился рудник. На снимках видно бараки и небольшие постройки. Вечером я вроде бы рассмотрела это в паре километров отсюда, но деревья в лесу довольно высоки и что конкретно там находилось, разглядеть совершенно невозможно.

— Ты кстати, заметил одну вещь? — задумчиво спросила я, пряча смартфон в водонепроницаемый чехол.

— Что именно? — отозвался Саша, поглощая гречку с мясом из банки.

— Здесь не видно следов ночёвки. А ведь это место само собой напрашивается для лагеря. Ты поднимаешься на плато, весь выжат как лимон, уставший до чёртиков. И вот. Здесь тебе и удобное открытое место для ночлега, вот тебе дрова. Да и в избушке можно спрятаться от ветра.

— Знаешь... Они могли пойти сразу в лес.

— На ночь глядя? — удивилась я. — Какой в этом смысл? В лесу хорошее место для ночёвки можно и не найти. Болота, кочки, сырость, гнилой валежник. Тут же тебе открытое место с обдувом от комаров. Это просто рай.

— Ну... Что сказать... А вдруг они пришли утром или среди дня?

— Наверяд ли. Быстрее чем мы они бы не дошли сюда. Дорога тяжёлая, ты сам видел. Одну ночь в лесу они провели там же, где и мы прошлый раз. Вторая ночёвка должна быть именно здесь.

— И что ты думаешь? — заинтересованно спросил напарник, отложив еду и внимательно посмотрев на меня. — Мне кажется, ты опять лезешь в какие-то дебри. Сама загоняешь себя. Сколько там по карте до следующей точки?

— Два километра.

— Это немного, Ань. Вот вообще немного. Они решили дойти до посёлка в один день. И это, я скажу, более лучший вариант, чем у нас сейчас — ждать до обеда, пока спадет туман. Их было пятеро здоровенных мужиков...

— С вещами, инструментами, продовольствием, — перебила я. — Они поднимаются на вершину горы через курумник и такие — а не будем отдыхать. Пойдем дальше.

— Я бы пошёл дальше, — рассмеялся Саша. — Лучше один раз перетерпеть, чем растягивать неудобство надолго.

— А я сторонник неторопливого и почти комфортного натиска. Тише едешь, дальше будешь!

— Ну вот собственно говоря, о чём я и говорю. Все твои предположения это чистой воды вкусовщина.

Я усмехнулась и стала собираться в дорогу. Возможно, Александр и прав, но я знала людей. Знала таёжников. Никогда они не кинутся в омут с головой, непонятно куда. Здесь привыкли жить не торопясь. Рассуждать долго, но по делу, работать не спеша, но всегда доводить задуманное до конца. Однако геологи могли быть и неместными. Тут я действительно, ступала на территорию предположений и допущений.

Часам к десяти туман рассеялся и сразу стало жарить солнце. Разрывы между "холодно" и "жарко" в тайге очень небольшие.

Мы шли по старой дороге и оглядывались по сторонам. Ничего примечательного. Лес постепенно скрыл всю перспективу и кроме клочков синего неба меж густыми кронами сосен и ёлок, ничего не видно. Комаров тут немного и мы продвигались относительно комфортно. Дорога каменистая, слегка заросла травой и небольшими деревьями. Дурнины и чавкающей под ногами жижи, как внизу, тут не было. Зато имелось другое...

— Что это? — Саша, шедший первым, поднял руку, дав знак остановиться.

— Что там? — я выглянула из-за спины напарника и сама же ответила на свой вопрос. — Это вещи. Рюкзак.

На дороге в траве лежал огромный станковый рюкзак, какие носят геологи, рыбаки и прочий путешествующий по тайге люд. И мы тоже. Оставлен совсем недавно, но дождь уже успел намочить его.

— Посмотрим что там.

Саша хотел поднять рюкзак за ляжку, но я крикнула: — Не трогай! Отойди!

— Что? Что с тобой? — удивился напарник.

— Это может быть ловушка.

Я подойдя к рюкзаку, внимательно осмотрела его, палкой расшевелив траву со всех сторон. Вроде чисто.

— Какая ловушка? Ловушка на рюкзак?

— Ловушка на людей. Идёшь по лесу и видишь — что-то лежит. Хватаешь эту вещицу, а к ней на верёвочке самострел привязан. Иди обрез.

— Бред какой-то! — возразил Саша. — Кто будет ставить ловушку на человека? Да ещё и в глухой тайге, где народа-то раз-два и обчёлся.

— Расскажу как-нибудь, только напомни. А... Вот это что?

Поодаль от рюкзака лежала оторванная человеческая кисть.

Саша побледнел и начал озираться, но ничего особенного на первый взгляд не видно. Однако я сразу заметила слабые следы потемневшей крови на рюкзаке и на камнях рядом с ним. Кровь, конечно, почти смыл недавний дождь, но под листьями растений остались почерневшие потёки. Справа от дороги, недалеко, заросли папоротника сломаны, да и почва изрыта. Кто — то напал на человека и он боролся за свою жизнь. Отчаянно боролся.

— Это что, медведь? Волк? Что думаешь, Ань? — напарник всё так же оглядывался по сторонам, стараясь не смотреть на кисть.

— Не медведь. И не волк, — я осторожно присела на корточки у кисти и перевернула её лезвием армейского ножа. — От животных остались бы следы зубов на коже и костях. Обрати внимание — эта часть руки оторвана, а не откушена. Её ухватили чем-то и дёрнули, оторвав от головки лучевой кости. Хрящи, суставы, кожа, сосуды лопнули моментом под колоссальной нагрузкой. Я не знаю животного, что могло бы сделать такое. Разве что приматы. Шимпанзе, горилла. Или неизвестный науке гоминид. Или вообще нечто неизвестное науке.

— Ты знаешь... Я б тебе ни за что не поверил, или по меньшей мере, засомневался в правильности выводов. Но видя воочию всё это, думаю, ты права. Здесь что-то есть. Какая-то опасная аномалия.

— И не только есть. Здесь это происходило на протяжении многих лет. Десятков, если не сотен. Начальство мне прислало отчёт с описаниями непонятных смертей. Признаки такие же. Тяжёлые изувечивания и травмы, приведшие к смерти.

— Жаль. Я не знал. Иначе...

— Что иначе? — лукаво усмехнулась я. — Отказался бы от экспедиции?

— Нет. Но... Подготовился бы более тщательно.

— Мы ещё ни с кем не столкнулись. А уж если столкнёмся, поверь — мне есть чем ответить.

— Утешила, — невесело улыбнулся напарник и повесил ружьё на шею, взяв наизготовку. — Лучшим вариантом было бы вызвать подкрепление с большой земли.

— Саш... Но мы и есть подкрепление. Нас и прислали, когда поиски получились неудачными. Сейчас я обыщу рюкзак, возможно, там есть документы, карты. Нам нужно удостовериться что этот человек тот, кого мы ищем.

Однако в рюкзаке не было никаких бумаг. Даже планов на работу, или инструкций. Лежал обычный запас таёжников — палатка, плед, запас белья, немного продуктов. Ни оружия, ни патронов.

— Что ты надеялась найти? Паспорт? — рассмеялся Саша. — И ключи от дома, где деньги лежат?

— Смешно. Идём дальше! Гляди в оба!

Но прошли недолго. Через полкилометра на дороге лежал труп мужчины, основательно измятый и растерзанный. Одежда разодрана в клочья. Почти всё тело обглодано. С черепа содрала кожа вместе со скальпом, вырваны глаза.

— Вот и обладатель кисти. Ненадолго егохватило, — я огляделась и подошла к телу, внимательно оценив повреждения.

— Что? Что значитхватило? — Саша ещё больше забеспокоился и, спустив ружьё с

предохранителя, вертел им в разные стороны, опасаясь хищника.

— Человек после первого нападения истекал кровью, но сумел вырваться и бежать. Однако сил потерял много, кровь хлестала фонтаном и здесь его нагнали. Результат ты видишь. Он был ещё жив, когда его начали жрать заживо. Кровь залила всё вокруг. И заметь — одежда вся сорвана с тела. Зверь не стал давиться тряпками. Сначала разорвал лицо, выдавил глаза жертве, чтоб не могла бежать, потом содрал одежду и не торопясь поужинал.

— Ты думаешь, поэтому они не стали ночевать там? Увидели что-то вечером, в сумерках?

— Да. Я более чем уверена, что поднявшись на плато, они увидели нечто опасное. Например, опасное животное невдалеке, совсем близко. Которое проявило к ним интерес и напало. Деваться некуда. Назад дороги нет, там каменная осыпь. Пришлось спасаться изо всех сил, уходя в лес. Но и здесь не повезло.

— Жуткая смерть, — содрогнулся Саша. — Неужели у них не было оружия?

— Я не знаю. Идём дальше.

Обыскав траву вокруг тела, я ничего не нашла, кроме мелких кусков мяса и костей. Не увидела и следов борьбы. И самое главное, следов животного. То, что с такой лёгкостью и кровожадностью убило человека, не оставило ничего. Массивное тело в погоне за бегущим от него должно было оставить заметные вмятины в траве и следы на земле. Несмотря на каменистую почву, следы на ней оставались заметные. Не везде, конечно, но местами точно. Следы геологов я временами находила.

— Я думаю, они бежали. Падали. Вставали, опять бежали. Спасали свою жизнь. Не самого последнего зверь всё-таки достал, — я снова огляделась. — Нет следов нападающего. И это странно. Ладно. Пошли дальше. К вечеру нам нужно осмотреться, найти место для ночёвки и максимально обезопасить его.

Настороже, обнажив оружие, мы медленно пробирались по заросшей дороге, внимательно смотрели по сторонам и прислушивались к звукам. Но ничего странного не находили. Разве что странное безмолвие окутало этот край. Кроме насекомых не слышно ни одного живого существа. Звери и птицы будто покинули враждебные просторы.

Конечно, после того как нашли растерзанное тело, продвигались с максимальной осторожностью и с оружием наизготовку, поэтому медлили, не торопились. На обед решили не останавливаться, пока не выйдем из леса..

Ближе к полудню лес кончился. Дорога вывела на обширное ровное место, кое- где заросшее травой и молодыми деревьями. Несколько длинных полуразрушенных барачков стояли почти на опушке. Рядом с ними небольшие дома, строения, изгороди. Но всё давно запущено и заброшено. Где- то здесь останавливался в своих странствиях Витька. Нужно найти это место и приготовить ночлег — в странствиях по тайге это главное. Потом осмотрим окрестности.

Мы шли по заброшенному поселку и каким-то шестым чувством ощущали опасность, притаившуюся совсем рядом. Не хотелось разговаривать, да и шаги стали тише и осторожнее, а уши будто непрестанно вслушивались в самые незначительные звуки, опасаясь услышать среди них нечто пугающее.

Ещё на позапрошлой ночёвке я слышала крик и видела тень, кажется, на одной из вершин плато. Судя по расстоянию от лагеря до горы, это довольно крупное существо. Во всяком случае, крупнее медведя. И с длинными лапами. Оно как будто карабкалось по скале, цепляясь ими словно летучая мышь. Впрочем, я очень хотела спать и возможно, это был простой полуобморочный сон.

Скоро настанет вечер и сейчас, а за ним ночь. В бараках даже нечего думать искать пристанище — все они выглядели однотипно убого. Разбитые окна, пустые дверные проёмы, частично разломанная, частично сгнившая самодельная мебель. Через истлевший пол проросли молодые деревья. Даже думать не хотелось чтобы ночевать в этой помойке. Но в связи с открывшимися обстоятельствами хотелось бы более надёжный лагерь, чем палатка на окраине леса.

И вскоре нашли, что искали. Поодаль, на самом краю поселка, стояла избушка с вывеской "Радиовышка". Сама антенна, судя по всему, давно демонтирована и вывезена, но аппаратная осталась. Построена качественно. Лиственные бревна на фундаменте из дикого камня, крыша, крытая железом. Окна и дверь целые, трава рядом расчищена. В кучу рядом с входом заботливо свалены дрова из валежника. Я сразу поняла, что здесь и останавливался Витька. Внутри несколько пустых радиорелейных шкафов, пуль управления, полки со всяким хламом. Небольшая железная печурка, заправленная дровами, топчан у стены. Ощущение такое, будто только вчера отсюда ушли люди.

— Тут мы и остановимся, — я сбросила рюкзак со снаряжением на пол и прыгнула на топчан, застеленный старым брезентом. — Бросим часть снаряги здесь. С собой нет смысла таскать много.

На скорую руку перекусили армейскими запасами, так кстати попавшимся нам на перевале, и ближе к вечеру, пошли осмотреть округу. С собой взяли всё оружие, что было. Оставили лишь палатки и продовольствие.

От радиовышки в разных направлениях шли несколько воздушных линий. Провода с них давно демонтированы, остались лишь изоляторы и растяжки.

— А тут много всего стоит, — удивился Саша. — Не ожидал, надо признать.

— Связь с большим миром нужна подобному месту. Радиовышка и телефонная станция образовывали местную сеть, которая связывала посёлок, лагерь, рудник и управление.

— Куда мы сейчас пойдём?

— Первым по пути нам встретится управление рудником. Очевидно что пойдём к нему. Сам рудник оставим на потом.

По ходу движения мы заглянули во все попадавшиеся бараки, сараи и другие постройки, среди которых была и небольшая дизельная электростанция, наполовину разграбленная, но не нашли ничего, что помогло бы продвинуться в поисках геологов.

Управление рудником представляло собой одноэтажный продолговатый барак с несколькими кабинетами внутри. В них поломанные шкафы, столы, стулья, валяющаяся под

ногами бумага. Какие-то чертежи, схемы, документы. В целом ничего нужного. Мы прошли и обыскали всё здание, признаков недавнего присутствия людей не обнаружили, пора бы и подумать что делать дальше.

Выйдя на свежий воздух, ещё раз огляделись. Вход в рудник находился совсем рядом, в южном, почти отвесном склоне отрога, идущего от вершины плато. Полукруглый зев штольни под небольшим уклоном уходил в глубину. Из рудника выбегали две узкоколейки, ведущих дальше, к отвалам породы и плавильной мастерской.

— Как сюда всё это возили? Рельсы? Оборудование? Дорога не слишком хорошая, — недоуменно спросил напарник. — Это ж сколько всего надо притащить черт-те куда.

— Как возили? Машинами, тракторами, вездеходами. На самом деле тут не много всего и настроено. Рудник с фабрикой, электростанция, посёлок для вольнонаёмных и лагерь для заключённых. Рудник, по всему видно, небольшой, добывали серебро. В здешних местах это редкое ископаемое. И дорогое.

— Нам обязательно лезть в эту дыру? — Александр с тревогой посмотрел на чернеющее жерло рудника. В лучах закатного солнца вид у него был достаточно зловещий.

— Нет, не обязательно, — в раздумьях ответила я. — Но метров сто от входа мы проверить обязаны, чтоб исключить все сомнения и неправильные выводы в дальнейшем.

— И что? Ты предлагаешь пойти в этот подземный ад прямо сейчас? На исходе дня? — возмутился Саша. — А может, стоит подождать до утра?

— Утро или ночь, какая разница? Там все равно темно. Давай уже! Охота тебе завтра опять сюда тащиться?

— Ладно, — обречённо вздохнул Саша. — Фонарь-то есть у тебя? Я свой оставил в радиовышке.

— Есть! Смотри! Горит! — я вытащила карман из разгрузки и потрясла им перед напарником, показывая, что всё в порядке. — Пошли давай! Сделаем это по-быстрому!

Держа в правой руке пистолет, а в левой фонарь, я осторожно пошла вглубь рудника, напарник последовал за мной.

Недалеко от входа у левой стены стояла небольшая деревянная будка с надписью "Пост охраны номер 3". На пыльном столе лежал журнал записей.

— Ты смотри, как вчера писали, — удивилась я и полистала записи. Ничего примечательного. Иванов зашёл двенадцать часов, Семёнов вышел в тринадцать часов. Датировано тысяча девятьсот пятидесятым годом.

— Мне кажется тут полста лет никто не ходил, — голос Саши гулко отразился от стен и улетел эхом в тёмную глубину. Где-то чуть слышно упал камень. — Господи, что это???

Снаружи перед входом в рудник горбилось неведомое жуткое существо. На вид что-то среднее между человеком, собакой и летучей мышью. Я не успела его толком разглядеть, так как наступили сумерки, да и напарник сразу же выстрелил в монстра. Не предупредила об опасности стрельбы под землёй. Так и случилось. Всё, чего я опасалась. Грохот от выстрела вызвал сотрясение породы и крупные обломки скал посыпались сверху и с боков, загромождая выход.

Чертыхаясь и падая в темноте, мы друг за другом побежали внутрь рудника, опасаясь, что нас завалит, но через несколько минут всё стихло. Из-за пыли стало трудно дышать и я обмотала рот носовым платком.

— Надо посмотреть, остался ли проход! Пойдём! Осторожно! — едва слышно сказала я и крадучись пошла обратно.

Саша виновато поплёлся следом. Он уже представил, чем его выстрел мог обернуться для нас.

Последствия обвала выглядели невесело. Штольню полностью завалило и выход стал невозможен. Я внимательно просмотрела всё, что только можно, но вывод сделала неутешительный. Путь наружу преграждали почти двадцать метров крупных камней, плотно лежащих друг друг на друге, растащить их не было никакой возможности.

— Здесь не пройти. Нужно искать другой выход, — озадаченно сказал Саша, оглядываясь по сторонам. — Это что, в ручную всё выдолблено?

— Как видишь... — откликнулась я. — Рабочих рук в лагере много побывало. Хоть что построить можно, дело во времени.

— Извини, пожалуйста. Я... Испугался этого зверя...

— Перестань, не время оправдываться. Ты ни в чём не виноват, — перебила я напарника. — Нужно искать выход. И чем быстрее тем и лучше. О звере потом.

— Ты думаешь у нас есть шанс?

— Да. В любом руднике или шахте должны быть вентиляционные штольни или колодцы, ведущие на поверхность. Иначе внизу не будет воздуха и станет невозможно дышать. Здесь воздух явно не спёртый — я заметила это сразу. Нужно найти вентиляцию. Кстати, ты обратил внимание? На потолке электрические светильники. Где-то здесь есть своя электростанция.

— Хорошо. Идём. Кто вперёди?

— Давай ты, держи фонарь. Я подстрахую сзади. Смотри в оба!

Особого веселья не было, впрочем, как и грусти. Мы попали в беду и нужно срочно, не теряя времени, выбираться из нее. Саша шёл впереди и светил себе под ноги, я за ним, с оружием наготове. Если здесь водятся подобные существа, прогулка может стать совсем нелёгкой. Виденный нами монстр стоял на четырёх лапах, но при этом конечности у него скорее человеческого сложения, только приличного размера и мускулистые. Голова похожа на собачью, с узкой вытянутой мордой и торчащими зубами, уши торчком, как у овчарки, да и глаза такие же. Существо складывало длинные перепончатые, похожие на крылья летучих мышей, наверное, умеет летать. Дьявол из Джерси, да и только. Или летающий человек из Приморья, которого слышал в дальневосточной тайге Арсеньев.

Через двадцать метров в правой стене штольни мы увидели открытую дверь с табличкой

"Электростанция", рядом дверь с табличкой "Склад". Поблизости, у стены, сложены ящики частью целые, частью разломанные, из которых наполовину высыпались инструменты.

— Что там? Не слышал? — я кивком головы показала во тьму, куда уходила линия узкоколейки. — Вроде слышно что-то.

— Тссс! — Саша прижал руку к губам, приказывая молчать. И то правда. Каждый звук отдавался так, что казалось, словно не два человека идут, а по меньшей мере, двадцать.

Саша водил фонарем по всей штольне, из стороны в сторону, захватывая то пол, то стены, но ничего примечательного мы не увидели и не услышали.

— Мне показалось, будто там кто-то ходил и стучался о стены. Жутко, знаешь ли, идти в слепую, учитывая что тут водятся непонятные твари.

— Попробуем запустить электростанцию.

— Ты серьёзно? — удивлённо спросил Саша. — Она хрен знает сколько лет не работает.

— Посмотрим. Стоит попытаться. В любом случае шариться по руднику лучше, когда есть свет.

По счастью, электростанция оказалась не разломана, а заботливо законсервирована. Мы сорвали промасленную бумагу и увидели дизельный двигатель с генератором. На шильдиках названия германских фирм, орёл со свастикой и дата — 1935 год.

— Третий рейх и сюда добрался, — рассмеялся Саша. — Ну кто бы мог подумать. Никто ж не поверит.

На машине прикручена табличка-инструкция по запуску в работу.

— Ну что, готов? Немецкий знаешь? — подмигнула я напарнику. — Судя по всему, тут нужна неплохая накачанность. Но ты парень крепкий, так что справишься.

— Говори что делать. Немецкий я не знаю.

— Итак. Тут написано "Откройте кран подачи топлива в форсунки". Вот он скорей всего.

— Открыл.

— Покрутите динамо-машину для нагрева свечей. Вот эта ручка.

— Да нетугая она, Ань. Слышишь, защипело что-то в корпусе? — Саша покрутил ручку с передней части машины и мы услышали как раздался шипящий звук.

— Проверните за рукоятку коленчатый вал машины до её запуска, а потом уберите руки во избежание травмирования. Это здоровенная ручка, сбоку.

Саша кряхтя, провернул ручку стартера несколько раз, но ничего не произошло. И только с чёрт знает какого раза машина задёргалась, зачихала, и заработала всё громче и чище.

— Ура! — крикнула я и включила большой рубильник. — Да будет свет!

Как только я включила рубильник, зажёгся свет, но тут же раздался громкий хлопок и вылетел снап искр из большого электро шкафа у стены. Машина завывала, чуть снизила обороты, но потом снова начала работать ровно и чисто.

— Где-то коротнуло, и сразу же отгорело. Нет, ты смотри как тут все продумано. Горючее подаётся похоже что сверху, с поверхности, воздух тоже. И выхлопная труба наружу. Машине восемьдесят с лишним лет, а она до сих пор пашет. Правда, позвякивает что-то, наверное вкладыши или компрессионные кольца, но в целом...

Саша помолчав, добавил:

— В целом всё хорошо. Я бы не поверил, если бы кто рассказал. Подумал что очередная байка о немецком качестве. Странно, что солярка ещё не высохла. Очень странно.

— Ладно, я охотно верю, но нам нужно выбирать. Давай посмотрим, что тут есть, может найдём полезный инвентарь, — я окинула взглядом помещение электростанции, но увы, по всему видать, ничего интересного здесь нет. Шкафы с электрооборудованием, пыльный верстак, инструменты на нём. Куски проводов, сваленные в углы полуразобранные светильники, розетки, выключатели.

— Ничего полезного нет, — покачал головой Саша. — Всё это старый прлугнилой хлам и может использоваться разве что как металлолом.

Выйдя из электростанции, мы свернули в склад, но ничего ценного не нашли и там. Кирпи, ломы, лопаты лежали в избытке, а больше ничего не было.

В главной штольне, где шли две линии узкоколейки, не сказать что стало достаточно светло. Светильники расположены на достаточно больших промежутках, но всё таки идти можно. Состояние рудника выглядело удручающим. Стены штольни, вырубленные в скале, растрескались, кое-где обвалились. Во многих местах их подпирали толстые брёвна.

— Тут скоро всё рухнет. Надо сматываться, — голос Саши гулко отдавался эхом и уже от этого становилось неудобно. Хотелось говорить как можно тише, почти шёпотом, да и передвигаться, не создавая лишнего шума.

Тоннель неуклонно шёл вниз и через сотню метров разделился на несколько частей. У перекрёстка стояла ещё одна будка охраны, рядом с которой на полу лежала карта, нарисованная на большом ватмане. Стряхнув пыль, Саша поднял и осмотрел её, и спустя пару минут уверенно ткнул в нужном направлении.

— Вентиляционная камера там. Да, да, вот в том проходе инженерный отсек.

Судя по карте, идти совсем ничего, но не успели мы обрадоваться, как из тёмной глубины рудника донёлся звук. Здесь царила почти абсолютная тишина и хорошо слышно мельчайшие шорохи. Где-то едва слышно карала вода, где-то потрескивал неисправный светильник. Заметно вдали гудел генератор. Но тот звук, что донёлся из глубины векового рудника, внушал страх. Мы слышали плач. И плакал определённо человек. В ста километрах от жилья, в труднодоступной тайге, в давно заброшенном руднике, во тьме, кто-то плакал. Горько и безутешно. Тут и у самого отбитого храбреца волосы встанут дыбом.

— Аня... Нам обязательно нужно проверять, что там? — изменившимся голосом спросил напарник, выставив ружьё перед собой. — Мне это совсем не нравится.

— Да. Обязательно пооверим. Обрати внимание — на полу следы босых ног. Здесь кто-то проходил. Причем много раз.

— Чтоооо? Что это, чёрт возьми? — крикнул Саша.

Из дальнего штрека, ведущего в самую глубину, раздался шаркающий звук. Но света там не было и что к нам приближается, не разглядеть. Что там? Какая-то неестественная сущность, невозможная в обычном мире? Призрак? Мертвец?

Сначала в освещённом пространстве показались ноги. Босые бледные ступни человека, измождённые и стёртые чуть не крови и с громадными отросшими ногтями. Потом изодранные штаны и подобие то ли ватника, то ли лагерной куртки. А потом показалось лицо. Чудовищное лицо со светящимися как у кошки глазами и бородой чуть не до пояса.

Человеком это чудовище назвать было трудно. Увидев нас, он остервенело зарычал, опустился на четвереньки, и стал быстро приближаться, безумно вращая головой и скаля зубы.

Я несколько раз выстрелила из пистолета и существо затихло. Грохот от выстрелов стоял ужасный, и существовала опасность обвала, но и подпускать это существо к себе не имело никакого смысла.

Я подошла и осмотрела труп существа. Несомненно оно когда-то было человеком. Потом он обезумел и одичал. Наверное, жил здесь, питался крысами и чем бог дал.

— Он что, ещё со сталинских времён тут живёт что ли? Семьдесят лет? Это же невозможно, — Саша с удивлением разглядывал мёртвое тело.

— Не со сталинских, — присев на корточки, я отвела руку мертвеца, лежащую на груди. Под рукой была лагерная бирка. — Это беглый зэк. По виду, сумасшедший. Наверное, заблудился, блуждал месяцами, попал сюда.

— Но как он жил? Это же не Майами? Тут зимой морозы по пятьдесят. В руднике? Чтс ел?

— Обрати внимание, на его руках и около рта свежая кровь. — Я поднялась и перезарядила пистолет. — Идём в тот штрек. Сдаётся мне, этот поехавший жил там. И что-то подозреваю — не просто так он там гостил.

Из штрека шёл определённо нехороший запах, скорее, даже отвратительный. Смесь человеческих фекалий и гниющего мяса. Только мы зашли, как смрад ударил по голове. Метрах в двадцати от входа в эту выработку лежал труп мужчины. Смерть наступила давно, пару недель назад. Тело совершенно разорвано, изуродовано и полусъедено.

— Геолог? — спросил Саша.

— Похоже на то, — откликнулась я. — Уже двое мертвых. У обои насильственная смерть. Надо посмотреть что там в глубине.

Штрек явно использовался для вспомогательных нужд. И что это за нужды, мы увидели, когда дошли до конца — идти было недалеко. Метрах в тридцати от входа горела одинокая тусклая лампочка, освещавшая пологий спуск вниз, к площадке, за которой вырублено небольшое помещение вроде колодца, а внизу... Зловонный запах шёл оттуда.

Луч фонаря высветил человеческие останки. Частично мумифицированные и скелетированные. Кое-где их пытались засыпать пустой породой и мусором, но в основном, они лежали открыто. Скрюченный руки, ноги, оскаленные черепа с обрывками волос.

— Что это? — Саша осторожно, словно боясь потревожить мёртвых, водил фонарём из стороны в сторону, высвечивая всё новые и новые тела в этой огромной гробнице. — Сколько их тут? Сотни? Тысячи?

— Около того. Это местное кладбище. Они не хоронили умерших, а сваливали их сюда, вместе с мусором. Их жизнь стоила столько же.

— Но... Как такое возможно? Это же настоящее скотство! Всё, я пошёл отсюда, не могу, — Саша отдал мне фонарь и почти побежал в главную штольню, прикрыв рот рукавом.

Не надолго дольше задержалась и я. Делать тут особого нечего. Ещё раз осмотрев братскую могилу, пошла за напарником, по пути сфотографировав труп погибшего геолога. Рядом, в стене, было что-то вроде ниши, застеленной тряпками. Исходя из того, что мы увидели, с уверенностью можно сказать, что уже двое из экспедиции погибли. Причем, по одной и той же причине — нападение дикого зверя.

Саша сидел на полу в главной штольне, и невидящими глазами смотрел в пол. Похоже, обнаруженный могильник произвёл на него очень сильное и тягостное впечатление.

— Как можно... Как... Столько людей убить... Использовать как рабов... И выкинуть на помойку как хлам... Как ненужную вещь. Как мусор, — голос напарника гулким эхом отдавался в подземелье. — Что делали тут эти геологи? Что они тут искали? Кроме трупов и смерти здесь ничего нет.

— Успокойся, Саш... — я опустилась на колени рядом с напарником и положила руку ему на плечо, чуть приободрив. — Время такое было. Кровавое. Тёмное. Жизнь человека копейки не стоила. Естественно, здесь много умирало. От холода, голода, болезней. От непосильного труда. Кто бы их стал тут в тайге хоронить? Долбить для каждого могилу в скале? И везти некуда. Да и незачем. В штрек с мусором и с глаз долой. За десятилетия тут много умерло.

— Да... Извини... Накатило что-то. Нервы ни к чёрту стали. Ну да ладно. Как думаешь этот безумец прямо здесь и жил все эти годы? В пещере, рядом с трупами?

— Похоже на то. Там залежи фекалий и нечто похожее на гнездо. Питался всем подряд. Я видела кости летучих мышей, птиц, мелких животных. Не брезговал и человечинной, как мы видим.

— Неужели он и тех, в колодце, тоже ел? — брезгливо поморщился Саша.

— Наверяд ли. От них там практически ничего не осталось, лишь скелеты и мумии. Их кажется, хлорной известью засыпали. Но так как количество умерших огромно, её естественно, сильно не хватало, поэтому и получалось тля ляп, не до конца растворились. Это ж не царская семья, тут тысячи человек лежат. Где столько извёстки взять среди тайги?

— Хорошо. Это всё печально, но надо думать, что делать дальше. Вниз пойдём?

— Нет, — отрицательно качнула головой я. — Конечно, открылись новые обстоятельства, но у нас ничего нет для долгих изысканий под землёй. Ни продовольствия, ни альпинистского снаряжения. Да и я просто не вижу смысла. Нет, Саш. Нам сейчас надо искать путь наверх. Тут недалеко до поверхности, я думаю, должно получиться.

Камера вентиляции находилась недалеко. В ней два небольших вентилятора, от которых шли большие жестяные трубы, уходившие в небольшую штольню, круто поднимающуюся к поверхности. Пролезть вроде можно. Саша посмотрел наверх, но ничего не увидел.

— Там темно. И наверное, нет выхода.

— Сейчас ночь. Естественно, там темно. И наверняка перед выходом на поверхность штольня идёт горизонтально. Иначе в неё лил бы дождь и падал снег. На выходе, конечно же, может быть всё, что угодно — двери, решетки, но это уже не проблема. Главное подняться. Я первая.

Понемногу мы начали подниматься. Штольню вырубали кирками, от которых поверхности оставались следы, значительно облегчавшие передвижение вверх. Впрочем, подниматься пришлось невысоко — мы ещё не успели спуститься вглубь рудника.

Через несколько десятков метров штольня действительно стала горизонтальной, воздух совсем свежим, а в паре метров мы увидели выход. Не успела обрадоваться, как пришлось огорчаться. На нём не было ни дверей, ни решёток, просто он находился в почти вертикальной скале на высоте, с которой почти невозможно спуститься, по крайней мере, днём. Придётся заночевать здесь, как бы этого не хотелось.

Ночка конечно выдалась та ещё. Темно, холодно, толком не согреться. Время тянулось вечность. Перед утром, когда стал наползать туман, в кисельной полутьме опять раздался леденящий душу то ли крик, то ли рёв. Казалось, он сверлит уши, и проникает прямо в мозг. Сейчас уже совершенно точно можно сказать, что неизвестное существо умеет летать. Звук быстро перемещался на большие расстояния, и шёл с высоты.

— Боже... Как мне это всё надоело... — Саша закрыл уши ладонями, и скрючившись сел на корточки. — Я не могу... Не хочу... Верните меня к нормальной жизни!

— Тише! Возьми себя в руки! — я встряхнула его за плечи и подняла голову. — Мы не можем позволить себе раскисать. Иначе сдохнем здесь. Ты понял? Понял меня? Мы связчики. Ты не один. Не один!

Напарник поплыл. И это самое страшное, что может быть в тайге. Человек опытный, с характером, привыкший к опасности, он столкнулся с неизвестным, всего лишь на шаг свернул в сторону от привычной жизни, и надломился. Плохо. Теперь нужно смотреть и за ним, чтобы не наделал глупостей.

Солнце встало и разогнало туман. Но ещё до этого я уже оценила высоту каменной стены — спуститься можно. И почти не трудно, если занимался скалолазанием. Стена высотой около двадцати метров, неровная и с растительностью, что может оказаться как плюсом, так и минусом.

— Всё. Пора. Вечно мы тут сидеть не можем, — я растолкала сидевшего в прострации напарника. — Иди первый. Страховки нет, так что будь осторожен.

— Я справлюсь, — вяло пробормотал Саша, тяжело поднялся, размял затёкшие ноги, подошёл к обрыву, и полез вниз. Медленно и осторожно. Я следом.

Обычно перед тем как спускаться со скалы, люди поднимаются на неё. И заранее видят, где опасные участки, и прощупывают их, случай форс-мажора есть страховочный трос. У нас не было троса. И на гору мы не поднимались, поэтому спускались вслепую, медленно и осторожно. Более всего я боялась за Сашу, чем за себя, всё таки такого рода приключения были обычным делом для меня, а вот напарник, похоже, попал впервые в переплёт.

По счастью, спустились без проблем, не считая царапин на руках и ногах, и поломанных ногтей. Но это дело поправимое, в аптечке есть всё что нужно. Саша понемногу пришёл в себя, Наверное, только теперь до конца осознал, что мы выбрались из-под земли, и хотя бы одна опасность миновала. А вот со второй — с летающим монстром, следовало бы разобраться. Однако сейчас, когда солнце светило вовсю, он не показывал своё присутствие. Похоже, он появлялся лишь в сумерках, ночью или тумане.

— Повезло нам. Второй раз родились, — нервно хохотнул Саша и посмотрел на верхотуру, с которой мы спустились. — Таких насыщенных экшеном событий в моей жизни ещё не было. — Я думал, там и останемся помирать.

— Зато сейчас прими плюс сто к карме, — усмехнулась я. — Пойдём. Безумно есть хочется.

— Как думаешь, где эта крылатая тварь? — напарник на ходу вспомнил про монстра, и улыбку как будто стёрли с его лица. — Я уж и забыл про неё.

Осмотревшись, я отрицательно качнула головой, и тут же пожалала плечами для пущего эффекта.

— Кто его знает... Он активен в темное время суток. Первый раз мы слышали его крик ночью, перед тем как подняться на плато. Второй раз сегодня. Той ночью... Там. Внизу... Мне кажется, я что-то видела. Летящее вдалеке. Наверное, это оно и было.

— Как ты думаешь, что это?

— По крику это явно животное. Когда оно кричит, я почти физически чувствую как трепещут голосовые связки, а когда оно летало сегодня утром, чувствовалось как свистит воздух от взмахах его сильных крыльев. Животное явно плотоядно и не брезгует человеческим мясом. И вопросов собственно говоря два. Где оно живёт, да и вообще как. Для достаточно длительного существования в популяции должно быть минимум двести особей разного пола. Чтобы не было генетических мутаций. Но большое количество таких крупных животных давно бы уже заметили. Район хоть и глухой, но люди бывают. Охотники, промысловики...

— Это я знаю. А ты, кстати, заметила какого оно пола?

Вот только о поле и задумываться, когда перед глазами такой монстр, а ты в полной темноте...

— Мне не до того было. Да и кажется, на нём длинная жёсткая шерсть.

Вернувшись к радиовышке, мы не спеша разожгли костёр, разогрели консервы и с аппетитом позавтракали. Торопиться было некуда. Остаток дня мы решили отдохнуть и отлежаться, сбросив напряжение дня прошлого, а с утра уже выдвигаться в поход дальше по плато.

— И куда мы пойдём? Здесь неисследованным остался только лагерь заключённых, — Александр посмотрел на карту в моих руках. — И всё. Можно сворачиваться. Двоих мёртвых мы нашли.

— Естественно, мы дальше не пойдём, — я внимательно повертела карту и так и этак. — На спутниковых фото больше ничего нет, кроме леса и гор. Если только что-то спрятано под землёй...

Ближе к вечеру и ночью мы опять периодически слышали громкие крики существа. Кажется, оно помнило, что мы зашли на его территорию, и делало попытки найти чужаков. Но мы никак не проявляли своего присутствия. На улицу не выходили, да и шуметь старались поменьше. Радиостанция была как крепость. Но увы... Постоянно в ней не отсидишься, а рисковать жизнью, пробираясь по незнакомой территории и каждую секунду опасаться нападения, тоже никуда не годилось. Следовало прикончить существо. Решить проблему здесь и сейчас.

Я разложила оружие на полу и задумалась. В наличии пистолет, небольшой автомат Узи и дробовик. В дробовике патроны против сверхъестественных существ с зарядами соли и серебряной картечью, поэтому против зверя он мог оказаться не таким эффективным. Однако является ли зверь, преследующий нас, обычным, из плоти и крови? На этот вопрос пока не было ответа, поэтому я решила захватить и его, закинув за спину, рядом с катаной. Пистолет и автомат засунула в разгрузку. Туда же положила запасные патроны и две гранаты. Вес получился приличным. Надеюсь, не придётся ни куда бежать. Александр проверил свой вертикальный винчестер, и зарядил его патронами с пулями. Запасные распахал по карманам.

— И какой план? — напарник с удивлением посмотрел на моё снаряжение.

— План простой. Выходим. Подзываем. Мочим со всех стволов.

— Ясно. Ну пошли.

— Спрячешься в засаде. Я его подманю. Только окажется на расстоянии стрельбы, мочи.

— Есть, мэм! — Саша в шутливом армейском приветствии приложил руку к виску. Веселья в его глазах мало.

Я вышла на улицу и осмотрелась, но ничего не увидела. Вокруг абсолютная темнота — небо занесло тучами. И в этой темноте летало нечто. Крики доносились откуда-то с востока, примерно в двух километрах. Я зажгла фэйер и бросила его на землю в нескольких метрах от себя, другой взяла в руку, зажгла и стала им размахивать, громко завывая. Саша спрятался во тьме, за углом. А потом, через пару минут, я услышала как хлопают громадные крылья надо мной. Зверь явился на зов. От фэйера относительно мало света, но я всё равно на высоте примерно в двадцать метров увидела огромное косматое тело с горящими глазами, зубастой пастью и размахивающими крыльями. Лучшей мишени и придумать трудно.

Ощувив порывы воздуха от хлопающих крыльев, я отбросила фэйер, упала на спину, выхватила пистолет и стала стрелять. От Магнума отдача порядочная, но сейчас моё положение как нельзя выгодное — лёжа на спине и целясь в воздух. Да и держать массивный пистолет удобнее двумя руками. Я выпустила из Магнума семь пуль одну за другой, целясь в морду и тело в районе грудины — монстр полностью открылся. И тут же откатилась в сторону. Одновременно открыл стрельбу Саша. Мощные пули пистолета раскалывали череп на части, отлетела часть черепа с глазом. Две попали в сердце. Саша отстрелил лапу и перебил шейные позвонки. Чудовище пронзительно заревело, задёргалось в агонии и упало вниз. Уже на земле дёрнулось несколько раз и околело, перевернувшись на спину и скрючив лапы. Подойдя вплотную, я катаной несколько раз проткнула сердце, чтобы окончательно удостовериться в его смерти и вздохнула, вытерев пот со лба.

— Ну вот и всё.

Такого монстра я ещё не видела. Мощное туловище, похожее на волчье, размеров с лошадь, всё покрытое длинной бурой шерстью. Но лапы определённо похожи на лапы примата, только с огромными, длиной в десяток сантиметров, острыми как бритва когтями. Голова с длинной собачьей мордой, сейчас раздробленная и изуродованная пулями. Существо определённо мертво — под ним набежала уже целая лужица крови.

— Что это? — Саша внимательно разглядывал убитого чудовища и не мог поверить

своим глазам.

— Не знаю, — пожала плечами я. — Зверь, или демон из параллельного мира, но сейчас он мёртв. Судя по легендам местных, тот самый онгол-оол, который питается костями.

— Почему он стал так зверствовать? Тот Витька, помнишь, с займки... Был здесь незадолго до инцидента с геологами и даже жил какое-то время, но кроме странных звуков ничего не слышал и не видел. Никто на него не нападал. Разве что собака пропала.

— Ты задаешь трудные вопросы. И я не знаю что сказать. Вариантов может быть масса, и все могут быть неверными.

— И что мы будем делать?

— Спать, — рассмеялась я над недогадливостью напарника. — Утро вечера мудрее. А там посмотрим что и как. Одно дело сделано, очередь за следующими.

Мы долго не могли уснуть, рассуждая о случившемся, и строя тысячи версий, пока сон не сморил окончательно. Оставшаяся половина ночи прошла спокойно — больше никто не досаждал нам. А утро принесло сюрпризы.

Первое, что я увидела, когда утром вышла на улицу по нужде, это то, что труп чудовища исчез. Вместо него в луже крови лежало изуродованное пулями обнажённое тело Людки. Вот так да! Старуха оказалась оборотнем.

— Будешь выходить, не упади, — предупредила я напарника, сделав свои дела и войдя в радиорубку. Но всё-таки даже после предупреждения Саша издал удивлённый возглас, увидев мёртвое тело.

— Как такое может быть? Как? Я не верю! — крикнул он и ухватился руками за голову. — Что делать, если весь реальный мир трещит по швам, на твоих глазах рушась в бездну?

— Что делать? Принять действительность и жить дальше, — пожала плечами я. — Относительно нашего случая... А что собственно говоря, произошло? Старуха оказалась оборотнем. Очевидно что это она пугала здесь всех. Причём много лет, ещё со времён первых поселенцев. Что она за существо? Не знаю. Пусть будет таёжная ведьма. А Витьку не трогала потому что это её родственник. Как тебе такое объяснение?

— Нормальное. Завтракать будем?

— Естественно. Мы решили побочную задачу и выяснили кое-какие нюансы, но главное дело, за чем нас прислали, ещё не сделано. Завтракаем и в путь.

Так и сделали.

До исправительного лагеря, где содержали рабов для рудника, расстояние всего-ничего, с полкилометра. Не гонять же их на работу за несколько километров. И в этом скрывалась не минимальная забота о заключённых, а лишь здравый расчёт — люди меньше времени будут проводить в дороге, а больше работать.

Мы относительно быстро добрались до него, и первое, что увидели, это деревянные разломанные ворота со смотровой вышкой наверху, и ограду из колючей проволоки, кое-где свалившуюся со столбов, но в большинстве случаев, сохранившуюся ещё достаточно хорошо. Второе, что мы увидели, ступив на территорию лагеря, это два трупа, относительно недавних. По-видимому, геологи. Один, в красной куртке и камуфляжных штанах, лежал совсем рядом у входа. Голова его была начисто оторвана, а ноги полностью съедены — белые голые кости торчали из ботинок. Второй пострадал не так сильно — из видимых повреждений только разорванное горло. Похоже, монстр прибил его только из инстинкта, или надеялся съесть потом.

— Ну вот. Осталось ещё одного найти, — Саша отвернулся от тел, стараясь не смотреть в их сторону.

— Ты уверен, что мы уже никого не найдём живым?

— Учитывая что произошло с другими, навряд ли. Меня... Иногда гложет вопрос. Почему они бросились бежать в разные стороны. Чёрт-те куда. Останься они даже на вершине, у входа на плато, шансов вырваться живыми было бы куда больше. Монстр оказался не так уж не убиваем.

— Паника. Неожиданный страх... Представь себе людей рациональных, привыкших верить только в научный подход. И тут они нежданно-негаданно во тьме далёких лесов сталкиваются с необъяснимым. Тут крыша у кого угодно съедет. Все рациональные доводы разобьются в пух и прах под гнётом увиденного. Это-то как раз объяснить можно. Кстати, ты помнишь, как говорила Людка, что они заболели *маетой* и умерли? Самое поразительное, что в этом она оказалась права. Действительно, впасть в панику и бежать куда-то наугад, вместо того чтобы искать надёжное укрытие — самый настоящий признак *маеты*. Один остался на дороге, другой свернул в рудник, предполагая, что убежище в нём окажется надёжнее, но не повезло и там, рудник оказался занят сумасшедшим. Двое добежали сюда. Но и здесь их достали.

— Хорошо, — согласно кивнул головой Саша. — Предположим, с этим мы почти разобрались. Осталось узнать, почему собственно говоря, потащились сюда эти геологи. Мы так и не нашли ничего стоящего внимания.

Обыскав тела, мы не нашли ответов на вопросы. У погибших имелись паспорта и удостоверения геологической партии. Карта района. В рюкзаках запасы еды и личные вещи. Больше ничего.

— Остался ещё один. Придётся обыскать лагерь.

Обыскать — легко сказать, но трудно сделать. Не взирая на относительно небольшую территорию, осмотр лагеря занял продолжительное время. Территория уже заросла молодыми деревьями, стоявшими частоколом, и продвижение меж ними было делом довольно затруднительным. Однако мы сначала методично обыскали бараки. В них ничего не нашли, кроме сломанных сгнивших нар из неструганных досок, гнилых брезентовых

матрасов, ещё какого-то трудно различимого хлама, лежавшего горой.

Обыскали хозяйственные помещения и постройки для персонала, в том числе и охранников — результат нулевой. Человек словно пропал бесследно. Меня такой вариант не устраивал, само собой, и я решила продолжить поиски на другой день. Когда солнце стало клониться к горизонту и мы собрались уже уходить, я неожиданно увидела человеческий след. При дневном свете он был совершенно незаметен, так как находился под сенью деревьев, но во второй половине дня солнце перешло на другую сторону барака и отчётливо высветило примятую траву.

Человек прошёл всего лишь один раз. Или два, не больше. Я окликнула напарника и мы осторожно пошли по тропке. Она шла по правой стороне барака для охранников, потом заходила за него, спускалась по небольшому склону вниз, и заканчивалась у металлической двери, сделанной прямо в склоне невысокой горы. На двери было написано трафаретом "Объект номер один". Запись пожухла и почти осыпалась вместе со ржавчиной.

— Что это за дерьмо? — недоумённо спросил Саша, подёргал ручку, но не смог открыть её. Ручку намертво заклинило — она не шла ни вверх, ни вниз. — Мёртвая. Что делать будем?

— Попробуем раскачаем. Спрячься за угол.

Я привязала скотчем к ручке гранату, и выдернула чеку, отбежав тоже за угол. Грохнуло, и стало слышно как за дверью разнеслось гулкое эхо. Похоже, под землёй был неизвестный бункер, не указанный ни на одной карте.

Подойдя к двери, я потрогала ручку. Сейчас она стала работать более-менее. Заржавевший механизм взрывом раскачался и стало возможным войти внутрь. И узнать, что за зловещие тайны скрываются под землёй.

Дёрнув за ручку, я открыла тяжело скрипнувшую дверь, рванув её на себя, и тут же отскочила — на ноги чуть не свалился ещё один труп. Человек в пятнистой военной форме сидел, прислонившись спиной к двери и выпал наружу, только её открыли.

— Вот и пятый. А что это у него в руке? Рация?

— Спутниковый телефон, — я попыталась освободить трубку из зачоченевшей руки, но не смогла — вцепился намертво в прямом смысле.

— От чего он умер? Весь синий.

— Задохнулся, — я зашла немного в бункер и щёлкнула зажигалкой. Она не зажглась. — Видишь, в подземелье нет кислорода. Он залез внутрь, захлопнул дверь, и старый заржавевший замок заклинило. Не смог выбраться. Попытался связаться по спутнику, но не получилось — в бункере не было сигнала, слишком большой слой камня, бетона и металла над ним. Умер от удушья через несколько дней. Похоже, здесь нет притока свежего воздуха.

— Ужасно. Сидеть тут во тьме, зная, что никто не придёт и не вытащит тебя. Интересно, кто это.

— Скорей всего главный, судя по форме и наличию телефона. Наверное, из армейских. Не просто так они сюда ходили.

Обыскав труп, я не нашла никаких бумаг, но под курткой была закреплена плечевая кобура с Макаровым. Вытащив пистолет, я внимательно разглядела его.

— Нестреляный. Странно. Он настолько испугался монстра, что ни разу не выстрелил в него.

— Они ж ночью бежали. Ты представь — ночь, темень, глухая тайга, и что-то жуткое охотится на тебя. Чтоб ты сделала?

— Ну уж точно не смывалась бы в неизвестность, с риском упасть в яму, сломать ногу о камень или насадиться на острый сук. Или как этот — загнать себя в мышеловку. Самый оптимальный вариант — затаиться и приготовить оружие. Или просто затаиться, если его нет. Впрочем, это всё пустые слова. Конкретные обстоятельства решают всё.

— Теперь нам надо лезть туда? — Саша кивнул на темнеющий бункер.

— Можно и залезть. Только там сейчас кислорода совсем нет. Да и что мы можем найти? Пыточную? Склад трупов? Биологическую лабораторию? Нет, дорогой напарник. Эта хрень не входит в наше задание. Знаешь пословицу — меньше знаешь, крепче спишь?

— Знаю. А всё-таки? Что там, за этой чёртовой дверью? Не будешь потом мучиться всю жизнь?

Пожав плечами, я посмотрела в тёмную глубину. Конечно, был велик соблазн спуститься и проверить, что там, но ещё свежи были воспоминания, как мы с трудом выбрались из рудника, и повторять этот горький опыт совершенно не хотелось.

— Ты недавно умолял чтоб забрали тебя отсюда, — ехидно подначила я. — Так быстро меняешься? Что случилось?

— Понимаешь... — замялся напарник. — Я как-то привык уже к этим тайнам, загадкам... К твоему холодному прагматизму и рассудительности... К вере в победу. И тут ты на последних метрах сдаёшься.

— Так ты сам назвал прагматичность и рассудительность! — возразила я. — И они диктуют, что пора и честь знать, как говорится. Впрочем, действительно, о чём спорить-то...

Пойдём и посмотрим. Но для начала надо запустить воздух туда.

Наверху, над бункером было видно жестяную вентиляционную трубу с металлическим конусом на конце. Труба сгнила и упала на землю, сложившись вдвое. Вот и вся причина недостатка воздуха в бункере. Вдвоём мы отломали её, а потом я вытащила из вентиляционной решётки мусор.

— Можно значительно быстрее наполнить подземелье кислородом, если развести тут костёр. Рядом с вентиляторной дырой, — заявила я, обдумывая как лучше это сделать.

— И как это работает? — недоверчиво спросил напарник. — Не вижу связи между костром здесь и отсутствием кислорода там.

— Связь прямая. Ты что, в деревне не видел как погреб протапливают? Принцип тот же. Зажигают огонь, он тянет плохой сырой воздух вверх, в костёр, где тот нагревается, а вниз затягивается сухой чистый воздух с улицы. А в нашем случае и богатый кислородом. Если мы зажжём костёр наверху, рядом с вентиляционным отверстием, то часть воздуха он будет тянуть из подземелья.

— Это не имеет смысла, — не согласился Саша. — Ты не сможешь обеспечить вытяжку воздуха исключительно из бункера.

— Давай попробуем.

Рядом с вентиляционным отверстием соорудили очаг, обложив его булыжниками, оставив проход только со стороны вентиляционной решётки, наложили сушняка, я плеснула из бутылочки бензином, и разожгла костёр. Спустившись к входу, обнаружили, что система заработала — тяга в подземелье появилась. В этом я убедилась, спустившись на пару метров вниз, в бункер, и проверила зажигалкой. Тяга в помещении была — огонёк горел и чуть отклонялся вниз.

— Ну что, идём? — я мотнула головой в сторону лестницы, и достала пистолет, зажгла фонарь. Саша утвердительно кивнул головой, и мы стали спускаться вниз. Бункер не выглядел большим. Лестница спускалась лишь на два пролёта, что соответствовало одному подземному уровню. Внезапно стало намного холоднее. Да что там, за короткое время, что мы продвинулись на десяток метров, температура упала чуть не до нуля, изо рта пошёл пар. За лестницей шёл короткий коридор. Справа одна дверь с наполовину стёртой надписью "Охрана". Внутри стол, стул. На столе старинный телефон с обрывками проводов. На столе полуистлевший журнал. Не хотелось голыми руками трогать его, так как здесь могли быть опасные токсины, поэтому ножом я осторожно открыла его и прочитала несколько записей.

...21 января 1947 года. 18 часов 22 минуты. К объекту допущен Степанов Александр Андреевич. 18 часов 35 минут сопровождён в наблюдательную. В 19 часов 35 минут выпущен под роспись в журнале.

22 января 1947 года. 18 часов 02 минуты. К объекту допущен Степанов Александр Андреевич. В 18 часов 10 минут выпущен под роспись.

Судя по записям в этом журнале, к некоему объекту внутри бункера каждый день допускались пара-тройка одних и тех же людей, возможно, учёных, или инженеров, находящихся в заключении. Иногда, впрочем, их допускали в некую наблюдательную комнату. И с этим стоило разобраться.

Наблюдательная комната представляла собой обычную химическую лабораторию образца начала двадцатого века. Лабораторные столы, шкафы с реактивами, реторты, перегонные кубы. Такое ощущение, как будто я воочию попала в компьютерную игру жанра "сурвивал хоррор" или "стимпанк". Или сразу во всё вместе. Я вдруг хихикнула, осознав своё положение. А ведь так оно и было по сути — я в хорроре и стимпанке.

На одном из столов были раскиданы какие-то бумаги, графики работы. Но ничего интересного я не обнаружила — по видимому, наиболее значимые бумаги, увезли с собой при консервации этого места. Теперь осталось узнать самое главное — что за объект здесь хранился, если для его изучения потребовалось строительство такого сооружения. А находился объект, судя по всему, в самой дальней двери, откуда и шёл холод. Странно, но на двери нарисовано множество крестов самых разнообразных видов. Православные, кельтские, мальтийские...

— Что это? Для чего кресты? — настороженно спросил Саша.

Предчувствуя, что мы найдём нечто важное, и это нечто может оказаться совсем нехорошим, а может быть, даже живым, я приготовила автомат, и подсвечивая фонарём беспросветный мрак, пошла вперёд, Саша за мной, держа ружьё наизготове. Металлическая дверь, чуть скрипнув отворилась. Внутри на большом постаменте стояло что-то вроде каменного саркофага, несколько раз обёрнутого массивной ржавой цепью. Цепь притягивала к саркофагу большой металлический крест, по виду, очень старый.

— Что это за хрень? — недоумённо спросил Саша, выглядывая у меня из-за спины. — Это что, гроб?

— Гроб, — согласилась я. — Можно и так назвать. Тут вопрос в другом... Похоже, эти цепи здесь для того, чтобы обитатель гроба не мог выйти оттуда. Видишь, его ещё и крестом придавили.

— Ладно. Сейчас я склонен тебе верить, — согласился Саша. — Чёрт возьми, я вижу всю эту хрень своими собственными глазами, куда тут денешься. Как думаешь, то что внутри, ещё живо?

— Возможно. Возможно, оно живо и всё так же опасно, как и многие годы назад. Заметь — это не обычный деревянный гроб, а каменный саркофаг. Дерево может сгнить, рассыпаться со временем, рассохнуться. Каменному саркофагу не будет ничего на протяжении бесчисленных лет. Это вечная домовина. И достаточно древняя.

— Смотри, смотри! Что это там? Рука? — Саша посветил на край саркофага. Там действительно, между верхней и нижней половиной из саркофага торчала громадная рука, а вернее лапа. Торчала так, что пальцы почти высовывались наружу, огромными чёрными когтями вцепившись в камень. Только луч света коснулся лапы, как она быстро убралась внутрь, крышка саркофага стукнула, а потом в неё кто-то бешено заколотил, словно пытаюсь выбраться наружу. Однако прочные толстые цепи не давали этого сделать, и лишь громко брякали ржавыми звеньями, намертво сдерживая то, что находилось внутри.

Неожиданно существо перестало колотиться в крышку саркофага, и снова высунуло правую лапу, уцепившись за нижний край каменного гроба. Это наибольшая степень свободы, которой оно могло обладать.

— Ну всё? Убедился? — усмехнулась я, глядя в испуганные круглые глаза напарника. —

Всё. Пора сворачивать операцию. Для меня всё стало предельно ясно. Делать тут больше нечего.

Только я начал говорить, как сбоку раздался какой-то слабый звук. У правой стены в полу были выкопаны какие-то ямы, закрытые металлической решёткой. В предчувствии чего-то более страшного, я осторожно подошла к одной, и осветила фонарём вниз. Там было устроено нечто вроде зиндана. Колодец глубиной метров шесть, на дне которого сидело существо, похожее на человека. Но человеком оно не было, невзирая на одежду — рваный ватник и штаны. Наверх глянуло существо, похожее на собаку, блеснув огоньками глаз из-под длинных спутанных волос. Увидев нас, оно вскочило на ноги, и стало выть и прыгать, стараясь достать до решётки, царапать стены колодца огромными когтями. Судя по следам на стенах, оно делало это тысячи раз, но твёрдая скала не подалась. Видя, что его усилия напрасны, существо негромко потявкивая, опять село в углу колодца, и свернулось в клубок.

Я осмотрела другие два колодца, и там находились те же самые существа, что и в первом. Человеческая одежда, и абсолютно не человеческий облик. Они сидели здесь в темноте, без воздуха и пищи многие десятки лет. Те, кто заперли их здесь, думали, что они умрут. Но они не умерли. Очевидно, что сюда временами таскались представители спецслужб, зная о том, что здесь погребено. Возможно брали образцы из руки главного монстра в саркофаге. Или просто наблюдали за тем, что здесь происходит. Геологи, трупы которых мы нашли здесь, конечно же, никакие не геологи. Представители третьей стороны. Возможно, некая частная компания, или частный заказчик, из-за утечки данных получившие доступ к тому, что происходило здесь и чем тут занимались. Официальное прикрытие у них было как у научной экспедиции. Но шли они сюда за другим. И нашли то, что искали. Только не так, как хотели.

— Всё. Надо выбираться отсюда, — я слегка подтолкнула Сашу к выходу. — Больше тут делать нечего.

Быстро, стараясь ни минуты не задерживаться в этом проклятом месте, мы вышли наружу, собрали свои вещи и направились обратно к радиовышке. Солнце почти опустилось за кромку леса, тени сгустились, и хотелось как можно быстрее добраться до относительно безопасного места.

Я сразу почувствовала что-то такое, чего не было, когда мы спускались в бункер. Запах табака. Когда долгие дни и недели живёшь в тайге, обоняние обостряется к таким простым вещам, и начинаешь ощущать их как кошка или собака. Вблизи кто-то курил. Не выходя из бункера, прислушалась к тому, что происходит снаружи. Вроде ничего, но я услышала каплю пота, упавшую с лица на сталь. Скорей всего на оружие. Чуть подальше бросили окуроч, задевший о траву. Осторожный звук ремня автомата, снимаемого с шеи. Солдаты.

Они стояли за углом барака. Нашли. Выследили. Или знали, что мы пойдём именно сюда. Взрыв гранаты они тоже могли слышать. Спрашивать кто это, и с какой целью тут пасётся, не хотелось. Я всегда работала в одиночку, и любой на территории работы, таящийся и не приступающий к переговорам, считался врагом. Попал в моё поле зрения — сам себе буратина. Сначала стреляю. Разборы будут потом.

Осторожно вытащив из подсумка гранату, я сняла чеку, и осторожно бросила её за угол.
— Граната на тринадцать часов. Ложись! — крикнул грубый мужской голос, и тут же грохнула взрыв.

Я в перекате вывалилась на позицию стрельбы, и сразу же открыла огонь из автомата по спинам в камуфляже, лежащим в траве. Не знаю зацепила кого или нет, так как были они в бронежилетах, поэтому припустила бегом, шепнув напарнику:

— Давай, давай! За мной!

Хорошо что покинули то место, так как в него тоже бросили гранату. Противник не видел, куда мы смылись, и мог только предполагать. Наиболее вероятным был бы вариант, что мы побежали вглубь леса, в противоположную сторону от той, где сейчас находились. Версию о том, что мы побежали туда, следовало немедленно подкрепить.

Усадив Сашу у стены, я прижала палец к губам, приказывая молчать. Тут же вытащила пустой магазин из автомата, и зашвырнула его глубоко за бункер, попав, как и ожидалось, в жестяную трубу вентиляции. Магазин оглушительно грохнул и отлетел куда-то в кусты. Даже я повелась бы на этот громкий звук.

— Противник на двенадцать часов! Сверху, над объектом! Идём за ним! — крикнул всё тот же сиплый голос. — Гадюка, слева. Гюрза справа. Эфа прямо. Я страхую тыл.

Четверо. Конечно, можно попробовать скрыться... Но прятаться тут, на плато, особо негде. Да и путь домой тяжёл и медлителен. Четверо здоровых мужиков мигом нагонят. Я пока не знаю, что это за люди, и что им надо. А они меж тем расслабились. Ожидали что мы впереди, и атаку с тыла конечно продинамили.

Вытащив пистолет, я выглянула из-за угла, и четырьмя выстрелами завалила всех четверых. Попала в голову или шею. Стрелять пришлось с расстояния метров десять, и получилось почти как в тире. Однако дуростью было бы сразу же бежать к поверженному противнику — за углом мог находиться ещё кто-то, кого оставили прикрывать тыл. Я достала ещё одну гранату, и бросила в ту сторону. Так и получилось — грохнул взрыв и раздался пронзительный крик. Человек даже не кричал, а выл, по-видимому, испытывая сильнейшую боль.

— Сиди тут! — прошептала я напарнику на ухо, и согнувшись, стала пробираться к убитым. Заглянув за угол, нашла того, кто кричал. Это был гражданский. Он побоялся отсюда бежать без военных, и по-видимому, сидел и ждал что будет дальше. Дождался.

Осколками посечено всё лицо, выбиты глаза и кости лица. К сожалению, даже не допросить... Достав меч, я перерезала ему горло и пихнула на траву.

Обыскав на скорую руку рюкзаки и разгрузки, не нашла ничего, как и ожидалось. Продовольствие, боеприпасы. Не станут же они с собой таскать документы. Однако то, что парни служили в спецназе — очевидно. Армейских я чую за километр. Наёмники корпораций более изнежены. У армейских набиты костяшки рук в постоянных спаррингах по рукопашному бою, да и носы с ушами напоминают о единоборствах.

Ясно одно — здесь действует ещё кто-то, поэтому операцию стоит немедленно сворачивать. Взяв несколько гранат, калашников и запасные магазины, я вернулась к напарнику. Однако он сидел не один — с конца барака подкрадывались ещё двое солдат.

— Ложись! — крикнула я, и открыла стрельбу короткими. Один оказался убит сразу, другой ранен в бедро и таз. Закричав, он бросил оружие и свалился на землю, пытаюсь сдержать кровь. Я ещё несколько раз выстрелила и прервала мучения раненого.

— Надо уходить! Пошли! Спрячемся, заляжем! Сначала идём к радиовышке!

Саша был слегка растерян, что и понятно, но молча встал и пошёл следом.

— Кто это? Я думал, мы одни тут.

— Не знаю. Противоборствующих сил много. Каждый тянет одеяло на себя, и действует в своих интересах. Или в иностранных интересах. Но знай...

Я остановилась и посмотрела ему в глаза.

— Государство и власть здесь представляем только мы. Все, кто против нас — автоматически враги.

— Как они попали сюда?

— Не знаю. Возможно, шли следом. Или закинули на вертолёте, пока мы слонялись по руднику. Или совсем недавно, пока мы шарились по бункеру. В любом случае, они играют против нас.

— Тебе виднее, — вздохнул Саша. — Но ты даже не пробовала с ними поговорить.

— О чём переговариваться с вооружёнными людьми, скрадывающими тебя? — усмехнулась я наивности напарника. — Первым же делом они приказали бы разоружиться и связать друг друга. А потом расклад был бы совсем другой, чем сейчас.

— Они ходят сюда из-за монстров в бункере?

— Да. Берут у него кровь, или просто смотрят за состоянием тех трансформированных в зинданах. Я думаю, нквэдэшники специально заразили заключённых, чтобы посмотреть на метаморфозы. Очевидно что в гробе нечто вроде оборотня. Он был здесь сотни лет под землёй. Его и притащили воины Ермака. Людка... Тоже из этой породы. Возможно, жена того, кто в гробе, я не знаю. Картина пока такая.

Саша недоверчиво покачал головой и тут же пригнулся.

— Там вертолёт! Перед радиовышкой!

Да. Верно. И это была не армейская машина. Обычный вертолёт МЧС. Такой же, на котором закинули и нас.

Перед вертолётom прохаживался часовой. Был он встревожен и держался наготове, постоянно пытался связаться со своей командой — звуки боя трудно не слышать, если он в километре-двух. Наверное, сработал регламент, и винты вертолётa стали раскручиваться. Не получив ответа, пилоты и солдат решили покинуть район высадки.

— Что будем делать? — прошептал Саша. — Может, захватить транспорт?

— Зачем? — удивилась я. — Нас заберут отсюда, если надо. Но пока я решила не вызывать вертолёт. Пусть сначала эти свалят подальше. Здесь что-то происходит, а я не люблю играть в тёмную. Ещё никто не знает, живы мы или нет, и что вообще произошло у бункера. Чем дольше это будет сохраняться, тем лучше.

— И куда нам направляться?

— Туда же, откуда пришли сюда. Там подумаем. Есть только одна нехорошая штука...

Я замолчала, наблюдая, как вертолёт поднимается, набирает высоту, и скрывается за низкими облаками.

— Что? Что такое? — забеспокоился напарник.

— Я конечно не знаю, как ты это воспримешь, но... Нам срочно надо покинуть это место. Чую, не к добру это всё.

— Как покинуть? Совсем?

— Совсем. Пойдём сейчас. Ночью. Бросай всё лишнее, что не нужно или не жалко.

— Иначе что? С чего такая спешка?

— Бомба. Или ракета. Я бы поступила так, чтобы скрыть здесь все следы. А ещё лучше компактный ядерный заряд. Та же мина от Тюльпана.

— О боги! Аня! Ты серьёзно? — Саша глянул на меня, увидел, что я абсолютно серьёзна, и коротко бросил. — Пошли. Сидеть здесь и ждать невесть чего и в самом деле неразумно. Дойдём за ночь до квадрика, там сколько-то бензина есть. Может, хватит до реки.

Легко сказать — бросить ненужное. Но в том-то и дело, что ненужного с нами не было. Еды осталось немного, а до посёлка две ночёвки. Решили оставить палатку, одежду и прочие причиндалы для комфортной жизни на природе. Взяли только тушёнку, галеты, спальники, оружие, аптечку, и кое-что ещё по мелочи. Ненужное не выбросили абы как, а свернули в палатку и аккуратно оставили в радиовышке.

— А Людки-то нету, — заметил Саша.

— Забрали, — коротко бросила я. — В лаборатории при осмотре они конечно сразу поймут, кто она. И будет у них ещё один экспонат. Здесь точку можно закрывать. Поэтому почапали, пока сверху гостинец не прилетел.

На счастье, ночь предстояла звёздная и лунная. В лесу ещё подсвечивали фонарями, но когда вышли на гребень плато, выключили. Передвигаться можно и так. За городом, да ещё порядочно вдали, на открытом месте видно всё хорошо. Единственное, где пришлось подсвечивать друг другу фонарями, это курумник. Но по разведанному маршруту спуск не занял много времени. К полуночи мы уже одолели его, а дальше дела пошли получше — дорога вела всё время вниз, и передвижение не доставляло больших усилий.

Когда спустились в распадок под горой, я услышала, как на большой высоте пролетел самолёт.

— Прячься! — крикнула я, и толкнула напарника за обломок скалы. — Здесь нет авиатрасс!

Яркая вспышка озарила небо над плато, и всю местность в километре от нас. Стало светло как днём, тут же яркое свечение погасло, и только вдаль, за нами небо продолжало словно гореть. Ударная волна была, но не слишком большая. Деревья и трава колыхнулись несколько раз и всё. Потом оглушительно грохнуло.

— Ну вот. Чем-то долбанули. Если б не смотались, нам трындец пришёл бы, — просто и буднично сказала я. — Наверное вакуумником ударили в несколько тонн.

— Я думал, это ядерный, — Саша оглянулся, но за горой уже не было видно почти ничего. — Сильно громыхнуло.

— Ядерный даже в десять килотонн так осветил бы всё, что ослепил на несколько минут даже отражённым, — возразила я. — Ядеркой конечно, можно долбануть, но такой взрыв трудно скрыть. Тут же местные шарятся всё-таки. Что-нибудь да всплыло бы. А обычной бомбой грохнули, хоть и мощной — всегда можно сказать, что метеорит упал, или обломок космической ракеты, или военный самолёт. Что угодно можно сказать. Шитокрыто.

— Как думаешь... — Саша помолчал. — То... Под землёй... Убито?

— Если пилот не промахнулся, думаю, да. Там в радиусе ста метров полные разрушения на большой глубине. Пилот навряд ли промахнулся. Скорей всего бомба управляемая. В общем... Не знаю. Чем-то да долбанули. Кстати, можно вызвать эвакуатор. Похоже, на какое-то время военные забьют на нас. Хотя, не исключено, завтра пошлют ещё команду. Но это уже не наша забота. Пусть играют тут во что хотят.

— А если ты вызовешь свой вертолёт, и нас грохнут? — забеспокоился Саша. — Несколько часов назад ты была другого мнения.

— Если те, кому я доверяю, забьют на нас, поверь, нам нигде не спрятаться, — рассмеялась я и вызвала экстренный эвакуатор. — Не переживай. До того уровня, где я плаваю, даже госбезопасность не достаёт.

Через час нас забрали. Прямо от подножия горы. Путь до аэродрома занял несколько часов. Я побросала все свои причиндалы в мешок и оставила в вертолёте — потом разберу, на базе. Сейчас ничего уже не хотелось. Разве что душ и горячий кофе. А может, чего-то и покрепче.

— Дёрнем по сто на посошок? — предложил Саша, иронично покосившись на меня. — Отметить так сказать, возвращение из ада.

— А то! — согласилась я. — Я тебя перепью!

Потом мы сидели в небольшом кафе у аэропорта, неспеша ковыряли заказанные пашшлыки и попивали виски с колой. Я смотрела в залитое дождём окно, и представляла как шумит дождливая тайга под напором ветра, как в холодном мареве стоит плато Наукок, развороченное взрывом, и озноб пробегал меж лопаток. Я вернулась. В очередной раз.

— Мне непонятно... — начал Саша, пригубив вискан. — Номинально мы задание выполнили не до конца. Монстры в бункере остались живы. Ты не стала их убивать.

— У меня не было такого задания, — удивилась я недогадливости напарника. — Задание мы выполнили. Геологов нашли. Мёртвых. Тех, кто их порешил, ликвиднули. Всё. Финита ля комедия. Остальное — за отдельные деньги.

— Мда... — рассмеялся Саша. — И то правда. Ну... Давай... За то, что выползли! Ты кстати, интересно живёшь! Зови в случае чего!

Я подняла стакан и мило улыбнулась. Как хочешь... Смотри не пожалей...
Больше книг на сайте - Knigoed.net